

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

Ю. В. Маретин и С. А. Маретина

**ОБЩИНА У РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ
ДОЛИНЫ РЕКИ БАРГУЗИН, ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ**
(Полевые материалы к истории общины)

В последние годы проблема сельской общины вызывает растущий интерес исследователей. Огромная роль, которую она играла у всех народов мира, удивительная стойкость этого института, обеспечившая сохранение общины на протяжении сменяющихся друг друга формаций, видное место, занимаемое ею в развивающихся странах,— таковы основные причины этого повышенного внимания. Будучи категорией исторической, община по мере развития общества проходит ряд последовательных стадий, причем на каждой стадии конкретные локальные формы отличаются большим разнообразием. В наибольшей мере это относится к стадии соседской (сельской) общины, преобладающей в новое время. Эти конкретные формы, как и характер и темпы развития общины, являются результатом воздействия целого комплекса разнообразных факторов — социально-экономических, экологических, историко-культурных, политических. Для истории общины в целом, для разработки ее типологии важно изучить возможно большее число этих разновидностей, особенно тех из них, которые дают что-то новое для понимания процессов ее развития.

Однако в нашей литературе сельская община изучалась довольно односторонне: лишь с точки зрения ее разложения. Применительно к концу XIX — началу XX в. речь шла о капиталистическом расслоении. Так, из почти восьмисот докладов, прочитанных на тринадцати ежегодных симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы, общине было посвящено лишь около двух десятков докладов, в основном негативных; подавляющая же масса докладчиков, говоря о социальном положении крестьянства, вообще не упоминали слово «община». «До недавнего времени, — пишет историк Сибири Г. П. Жидков, — община пореформенного периода квалифицировалась только как реакционный феодальный институт, служивший тормозом развитию производительных сил сельского хозяйства и классовых отношений» [80, стр. 124; см., например: 36, 1963, стр. 100, 1964, стр. 101]. В дополнение к взгляду на общину как на «архаический», «пережиточный», «реакционный» институт появились попытки возродить чичеринскую трактовку о позднем, фискально-крепостническом происхождении общины.

Между тем для К. Маркса русская община была «органической, господствующей формой сельской жизни огромной империи» и, по его

выражению, существовала «в национальном масштабе» [1, стр. 419, 401]. Действительно, русская сельская община сохранялась до революции 1917 г., несмотря ни на экономические (естественное развитие капитализма внутри нее), ни на внеэкономические (стольпинская аграрная реформа) воздействия на нее; в ряде районов она просуществовала до коллективизации. В Сибири после революции, в 1921—1922 гг., общинная форма землепользования составляла 92,7%, колеблась по отдельным районам от 86 до 98% [18, стр. 25 и 34; ср. 29, стр. 237].

К. Маркс и Ф. Энгельс возражали против тезиса об искусственном образовании русской общины и обращали также внимание на ее положительные стороны [2, стр. 251; 3, стр. 305; 5, стр. 462]. Об осторожном отношении к общине говорил и В. И. Ленин [6, стр. 515—516; 8, стр. 344—346; 446—447]. В первые годы Советской власти Советское государство, не идеализируя общинные порядки, тем не менее в определенной степени использовало общину как традиционную форму объединения крестьян для регулирования крестьянского землепользования [18, стр. 38—39].

В послевоенные годы ряд исследователей русской аграрной истории пришел к убеждению о необходимости «преодолеть односторонность в оценке социальной роли уравнилельно-передельной общины» [80, стр. 125]. Появились настоятельные призывы к сравнительно-историческому изучению истории крестьянства в целом и общины в частности, основанному на широком сопоставлении различных регионов и народов: об этом говорили академик С. Д. Сказкин [96а, стр. 65—92], историки В. К. Яцунский [36, 1970, стр. 26], Л. В. Данилова [32, стр. 41—44] и др. Характеризуя в целом новый подход, можно отметить, что он заключается в более точном фактическом анализе, углубленном прочтении классиков и в стремлении использовать положительные стороны сельской общины [31; 39; 40; 80, стр. 124—132; 96а, стр. 85—86; 107, 1970, стр. 37—40; 1971, стр. 213—218; 1972, 165—221].

Этот новый подход особенно важен сейчас, когда возникла острая необходимость определения путей социально-экономического развития стран «третьего мира»; тем более что среди специалистов по развивающимся странам, нет единого мнения относительно роли общины в этом развитии. Одни авторы признают возможность использования общины и ее вековых традиций [39, стр. 44; 40, стр. 42; 57; 108, стр. 35—36; 112, стр. 225—226; 117, стр. 177]; другие отрицают эту возможность, подчеркивая «развал общины» [43, стр. 109 и сл., ср. стр. 137 и сл.], или попросту не замечают ее [55; 63; 113]. По нашему мнению, подобное положение с изучением общины в развивающихся странах связано в немалой степени с недостатками изучения общины в России.

В этой связи представляются вполне оправданными и своевременными слова В. А. Александрова, специалиста по аграрной истории России, о том, что проблема общины в России «не может считаться исчерпанной ни в методологическом, ни в конкретно-фактологическом отношении. Особенно это относится к истории сельской общины в позднефеодальной России» [107, 1970, стр. 23—24].

Русская община Восточной Сибири представляет особый интерес для изучения общинного развития. Пореформенная Сибирь, по выражению известного знатока русской общины А. А. Кауфмана, представляла собой «живую историю общины в процессе ее зарождения и роста» [цит. по: 80, стр. 126]. У большинства народов, особенно в странах Востока, мы имеем дело с общиной, прошедшей длительный путь

развития. У сибирских же старожилов в силу особенностей их истории имеет место случай регенерации общины, тем более интересный, что регенерация происходила не у первобытного, а у развитого земледельческого народа, в условиях феодального, а позднее и капиталистического государства.

Русское население Сибири формировалось из переселенцев из Европейской России. На протяжении четырех столетий русские осваивали необъятные пространства Сибири, постепенно адаптируясь в условиях нового этнического и географического окружения, оказывая в свою очередь большое и всестороннее влияние на народы Сибири [13, стр. 300]. Будучи выходцами из различных районов Европейской части, русские старожилы Сибири принесли с собой традиции общинной организации, в условиях которых они выросли и в соответствии с которыми они старались строить жизнь на новом месте.

Восточная Сибирь являлась окраинной, но органической частью России [35, стр. 48]. Поэтому она испытывала на себе воздействие все-русской системы, и община ее была низовым звеном государственно-административной надстройки Российской империи. Поначалу община у русских переселенцев функционировала прежде всего как административно-податная единица. По мере увеличения плотности населения и уменьшения фонда свободных земель усложнились поземельные отношения. Во второй половине XIX в., когда был вызван к жизни передельный механизм, эта сторона общинной организации приобрела особо важное значение. Первоначальный заимочный способ землепользования, когда переселенец мог взять под заимку практически любое количество земли и бесконтрольно владеть ею, независимо от степени обработки отдельных участков, — с ростом населения сменяется вольно-захватной системой, при которой земля находится в пользовании лица, поднявшего целину, пока последний обрабатывает эту землю. Далее возникает надельно-долевая, или уравнильно-передельная, система; именно ее можно считать категорией общинного землевладения в полном смысле слова. На первых порах она выступала как противодействие растущему имущественному неравенству.

В данной статье авторы останавливаются на характеристике общины у русского старожильческого населения долины реки Баргузин в последние десятилетия существования общины (конец XIX — начало XX в.). Баргузинский район был выбран потому, что он является одной из контактных областей, где русские встретились и мирно ужились с местным, бурятским и эвенкийским, населением, причем русская культура сыграла большую роль в развитии бурят-монголов и эвенков [44, тт. 2—5; 59; 101].

Особый интерес этот район представляет также и потому, что русские старожилы, населяющие его, никогда не были объектом этнографического изучения, что, между прочим, отражает общую недостаточную изученность этнографии русского населения Сибири [19, стр. 3]. Действительно, на этнографической карте Сибири белых пятен не меньше, чем на географической или геологической. Одним из таких пятен и является район р. Баргузин. Историк Прибайкалья В. П. Гирченко писал: «В социальной истории Сибири вряд ли найдется область, так мало освещенная и изученная, как история Восточно-Сибирского, а в частности прибайкальского крестьянства» [25, стр. 27; ср. 69, стр. 8]. Если за последние два десятилетия в изучении прибайкальского крестьянства в целом произошли значительные сдвиги (что отражает успехи советского сибиреведения вообще), то Баргузинский район еще не привлек должного внимания исследователей. Имеющиеся в литературе по Си-

бири упоминания, относящиеся к этому району, немногочисленны и не-систематичны [см., например: 69а; 90; 94; 95; 96; 123]. Что же касается общих работ, посвященных специально Забайкалью и Прибайкалью, то и в них данные по Баргузинскому району носят преимущественно общестатистический и общенсторический характер [23, вып. I—XVI; 25; 38; 42; 83; 99; 115].

Непосредственно общине у забайкальских русских старожилов были посвящены две интересные работы: К. Михайлова, вышедшая в 1885 г., и В. Солдатова, опубликованная в 1913 г., но обе они не касаются долины р. Баргузин [69; 100]. Не затронута эта территория и в этнографическом исследовании некоторых забайкальских районов, проведенном в конце 1950—60-х годов А. А. Лебедевой [62; 107, 1969, стр. 102—116]. В то же время следует отметить, что все эти работы дают большой и полезный сравнительный материал для изучения общины у русских долины Баргузина.

Работа построена в основном на полевом материале, собранном во время экспедиции 1959 г., и дополнена сравнительными данными по смежным районам и по Сибири в целом, почерпнутыми из литературы¹. Было обследовано 16 поселений, входящих в Баргузинский район Бурятской АССР (по административному делению конца XIX в. — это Читканская волость Баргузинского округа Забайкальской области Приамурского генерал-губернаторства): поселок Усть-Баргузин, деревни Бошарово, Адамово, Зорино, поселок Баргузин², село Большое Уро (здесь же Малое Уро, Большое и Малое Телятниково), бывший волостной центр — село Читкан (здесь же Малый Читкан), Душелан, Алга, Суво, Дворец³, Бодон. Таким образом, был обследован весь район, заселенный русскими, начиная от устья р. Баргузин до поселка Баргузин и далее по долине левого берега реки и ее притокам до территории, заселенной бурятами.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ КРАЯ РУССКИМИ И ПОЯВЛЕНИЯ УРАВНИТЕЛЬНО-ПЕРЕДЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ

По своему происхождению русское население Баргузинской долины неоднородно. Население это формировалось на протяжении трех веков из следующих основных пластов: первых пришельцев — казаков и промысловиков, привлеченных пушным богатством края; ссыльнопоселенцев, отправляемых в Забайкалье с конца XVII в.; наконец, свободных переселенцев, поток которых особенно возрос начиная со вто-

¹ Авторы выражают свою искреннюю благодарность всем информаторам, которые не щадили ни времени, ни сил, отвечая на многочисленные и настойчивые вопросы, относящиеся к делам давно минувших дней. Авторы везде называют фамилии и возраст своих информаторов (последний указан на время экспедиции, т. е. на 1959 г.).

Материалы экспедиции — дневники, чертежи построек, отчеты и пр. — хранятся в Архиве Института этнографии АН СССР в Ленинграде (фонд К-1, оп. 2, №№ 618—620, 931—939). Во время работы было сделано свыше 600 снимков (основной объем фотосъемок выполнен Ю. В. Маретиним и А. И. Мухлиновым, некоторые фото принадлежат Л. Е. Куббелю), негативы которых находятся в том же архиве (И-1983 №№ 1—656), а отпечатки в Отделе Европы Института этнографии. В статье использованы некоторые материалы, собранные нашими коллегами по экспедиции — А. И. Мухлиновым, Л. Е. Куббелем и Б. Я. Волчок, за что авторы выражают им свою признательность.

² В дореволюционные годы Баргузин относился к разряду так называемых заштатных городов. В настоящее время это районный центр.

³ «Дворцом» забайкальские русские называют участок пади по его сходству с двором, окруженным горами [75, ч. I, стр. 127]; часто так называют и деревню, основанную на этом месте.

рой половины XIX в. Таким образом, заселение долины Баргузина происходило как естественным, народным переселением, так и путем казенной колонизации. Это находит свое отражение как в хозяйственно-культурных особенностях, так и в антропологических чертах. Физический тип и бытовые особенности забайкальских русских сложились под влиянием экологических и исторических условий [120; ср. 22, стр. 59—60]. Как первые пришельцы, так и, в значительно меньшей степени, поздние переселенцы смешивались с коренным населением — бурятами и эвенками, которых здесь называли и называют ороचनाми, что наложило свой отпечаток на внешний облик забайкальских русских. Это отметил уже академик Паллас [74; см. также 120, № 2 и 5]. Язык забайкальских русских имеет ряд особенностей, например смещение *ж* и *з*, *с* и *ш*, *ц* и *ч*, употребление ударных окончаний на «а» в названиях деревень — Жорина́ вместо Зо́рино, Пашина́ вместо Па́шино и т. д. [ср.: 85, стр. 17—32; 100, стр. 44 и сл.; 120, № 5, стр. 243—274].

Относительно древнего населения края до наших дней сохранились многочисленные легенды, которые заслуживают внимания. Начиная от Усть-Баргузина, в каждом селе многие информаторы сообщали о древних насельниках края — баргутах, причем сообщения эти совпадали в деталях и подкреплялись ссылками на многочисленные находки. Названия реки (Баргузин), долины, ветра, дующего из нее, ряд географических названий («Баргутская канава» в Большом Уро и др.) — все это, по преданию, сохранилось от баргутов. По рассказам, баргуты отличались очень большим ростом, что информаторы подтверждали ссылками на виденные ими находки крупных человеческих костей⁴, темным цветом лица, занимались земледелием, жили в землянках, остатки которых имеются в окрестностях почти всех сел (Адамово, Бошарово, Читкан и др.). Берег Баргузина напротив Бошарова так и называется «ямный берег»⁵. В легенде об исчезновении баргутов рассказывается, что баргуты засыпали себя в своих землянках, когда появились белые люди, приход которых возвестило появление в этом крае берез [ср. 64, стр. 112—113]. Не вдаваясь в рассмотрение баргутской проблемы, отметим, что народами, встретившими первых русских насельников, были эвенки (или тунгусы, ороконы, как тогда называли основных насельников) и многочисленные буряты⁶.

⁴ Учитель Т. М. Малико сообщил нам, что коллекция ископаемых костей имелась в школе Большого Уро, но, по небрежности, была утеряна.

⁵ Сходные легенды о людях, живших в ямах, были записаны в Енисейской губернии в районе р. Тунгуски в XVII в. О таких «диких людях» сообщает в своей «отписке» в Сибирский приказ воевода князь Щербатов [81, стр. 756—757; ср. 73, 66].

⁶ Вопрос о первонасельниках края сложен и не решен окончательно. Есть ряд точек зрения, основными среди которых являются две. Первая, наиболее распространенная, защищаемая главным образом А. П. Окладниковым, сводится к тому, что до появления бурят, т. е. до XIII в., указанный район был заселен тюркскими народами, находившимися в контакте с тунгусо-маньчжурскими, и баргуты относятся к тюркоязычным народам [19, стр. 7 и сл.; 44, т. I; 69а, стр. 83—98; 70]. Вторая точка зрения, наиболее отчетливо представленная в работах Г. П. Румянцева, заключается в утверждении, что Забайкалье, в том числе и долина Баргузина, является исконно бурятской территорией, что здесь существует «этническая бурятская непрерывность» на протяжении по крайней мере трех тысячелетий, что баргуты — предки бурят или, по крайней мере, родственны бурятам [88; 89; ср. 87]. Для нас, однако, важно, что и сторонники второй точки зрения признают, что после перерыва, вызванного различными причинами, буряты появились на Баргузине в середине XVII в., потом откочевали и снова вернулись в 40-е гг. XVIII в. [88, стр. 6, 9—10, 17—18]. Это имеет существенное значение для изучения истории освоения края, в том числе и для социальной истории его населения.

Об археологии, истории и этнографии края до прихода русского населения см. [14; 20, ч. IV, кн. I, отд. IV, стр. 26—27; 23, вып. V и VI; 34, 44, тт. 1 и 2; 51; 54; 84; 105; 106; 122, стр. 68 и сл.].

По словам большинства наших информаторов, их предки появились в долине р. Баргузин во второй половине XVIII в. Несмотря на столь давний срок, потомки первых пришельцев отчетливо сознают, чьих семьи ведут свое происхождение «из России», т. е. из европейской ее части. Исторические материалы говорят, что появление русских в этом районе относится к 40-м годам XVII в. Впервые русские достигли Байкала в 30-х годах XVII в. В 1638 г. отряд казаков атамана Максима Перфильева появился в Забайкалье, в Даурии, а через пять лет якутский пятидесятник Курбат Иванов высадился на Ольхоне. Один из его отрядов достиг Верхней Ангары, обложил тунгусов ясаком, а затем спустился в долину р. Баргузин, заселенную тунгусами, и остался здесь зимовать [14, стр. 18]. Отряд был перебит; однако подобные случаи вооруженных столкновений казаков с местным населением были редки. Старейший житель села Бодон А. Л. Мисюркеев, представитель одной из крайне редких в настоящее время в Баргузинском районе семей казаков-старожилов, сообщил нам рассказ своего деда, что первым казакам был дан строгий приказ «не убивать тунгусов», а стараться привлечь их мирными средствами. С постройкой в 1648 г. Баргузинского острога, заложенного казаками отряда Ивана Галкина, русские окончательно утвердились на Баргузине [см. подробнее: 23, вып. V; 42, стр. 227 и сл.; 50; 73; 81; 98; 120; 121; 122, стр. 121 и сл., а также работы историков освоения Сибири С. В. Бахрушина, В. В. Покшишевского, В. Н. Скалона и др.]. Любопытно, что некоторые информаторы, в частности упомянутый выше А. Л. Мисюркеев, хранят предания о приходе их предков с казаками из отряда Ермака.

После постройки Баргузинского острога первое время русское население увеличивалось медленно. Более быстрый рост его начался, когда через Баргузин пошли грузы из Предбайкалья в Забайкалье, так как в конце XVII в. это был основной путь, связывающий обе области [12, стр. 58—59; 21, стр. 32 и сл.; 27, стр. 10]. К тому же, уже в начальный период русского заселения Забайкалья, оно стало местом политической и религиозной ссылки. Так, в 1656 г. сюда был сослан протопоп Аввакум⁷. Баргузинский район уже в то время был одним из центров пушного промысла. В конце XVII в. государство монополизировало торговлю соболями (Указ 1697 г.).

В восемнадцатом веке Сибирь стала местом массовой ссылки [62, стр. 107—124; 80, стр. 106—117]. Дворцовые перевороты середины XVIII в., гонения на старообрядцев на протяжении всего столетия, крестьянские бунты и восстания, в особенности крестьянская война под предводительством Пугачева, — все это были события, в результате которых тысячи людей принудительно переселялись в Сибирь, в том числе и в Забайкалье. Впервые начинается приписка государственных крестьян к забайкальским заводам, а также ссылка провинившихся крепостных крестьян [83, стр. 22; см. также Указы 1722, 1767, 1799 гг.: 77, т. VI, стр. 648, № 3955, т. XVIII, стр. 394, № 13019, т. XXV, стр. 813—815, № 19157]. В Указе 1799 г., кроме того, говорилось о переселении в Забайкалье 10 тыс. крестьян, причем предусматривалось «при сем отводе не касаться... мест, кому-либо принадлежащих или кочующими народами занимаемых» [стр. 814]. Удалось переселить лишь около 2 тыс. крестьян [41, стр. 78].

Если первые попытки земледелия, предпринятые по приказу ир-

---

⁷ Известия о прибайкальских районах содержатся в его автобиографическом «Житии» [9]. О росте городов в Забайкалье после появления русских см. [21].

кутского воеводы вскоре после основания острога Баргузин, оказались безрезультатными [50, стр. 238], то с заселением края вольнопоселенцами (из числа бывших казаков, солдат или рекрутов), крестьянами, прибывавшими «по указу» и «по набору», а также ссыльнопоселенцами земледелие здесь постепенно окрепло, ибо крестьяне приносили с собой вековые навыки земледельческой культуры.

Баргузинский район славился как один из центров сибирского пушного промысла, о чем говорит, например, герб Баргузина, утвержденный правительством в 1790 г.: белка на серебряном поле.

С целью упорядочения сельского управления в 1776 г. была издана «Инструкция Удинской провинциальной канцелярии сельским старостам и выборным», являвшаяся по существу первым сельским уставом Прибайкалья. Всего она состояла из 36 параграфов. В § 1 говорилось: «От миру избрать... из крестьян же старост, выборных и соцких людей». Далее определялись обязанности сельской администрации, размеры налогов, сборов, оброков и других повинностей, устанавливались размеры земельных наделов и покосов с тем, «чтоб ни одного крестьянина без земли в лежащих в ведомстве той Приказной Избы [деревнях] быть не могло...» [26; см. также 80, стр. 95—105; 96, вып. 3, стр. 129—144]. Эта Инструкция действовала вплоть до указа от 7 августа 1797 г., по которому селения государственных крестьян, в том числе и сибирских, были разделены на волости и введена система сельского управления, просуществовавшая, с некоторыми изменениями, до реформ 60-х годов.

Первоначально районом сосредоточения русского населения был Баргузинский острог, вокруг которого находились немногочисленные зимки и зимовья. В дальнейшем вокруг острога вырастают обычные поселения, в которых развиваются ремесла и земледелие, постепенно (к концу XVIII в.) вытесняющие охоту. Все большую роль играет торговля (продажа рыбы и пушнины и покупка хлеба). С течением времени острог утрачивает свое военное значение (к XVIII в.) и превращается в торговый центр. В 1681 г. на побережье Байкала недалеко от устья Баргузина был построен Троицкий монастырь, которому принадлежали обширные угодья — пашни, покосы, леса, рыбные ловли. Экономическому развитию Баргузинского района способствовало также то, что через этот район происходило снабжение русских поселений в Даурии (область в Восточном Забайкалье и частично Приамурье) хлебом, доставляемым из Енисейской губернии.

К XIX в. тип баргузинской деревни определился. Если суровые природные условия с самого начала требовали кучного поселения и деревни располагались в основном на равнине, поблизости от реки Баргузин и одного из его притоков, то со временем тип поселений несколько меняется. С постройкой баргузинского тракта (в конце первой четверти XIX в.) первоначальная кучная застройка сменяется линейной двухпорядковой. В дальнейшем новые части села застраиваются кварталами.

В XIX в. население в Забайкалье, включая и Баргузинский район, значительно возросло, в том числе за счет политических ссыльных [62; 118]. Если в середине XVIII в. в долине р. Баргузин, в среднем и верхнем ее течении (до острога Баргузин), было всего пять деревень, насчитывавших по несколько дворов, то в начале XIX в. уже существовали все основные деревни, известные нам сегодня; правда, число дворов в них было значительно меньше. В Забайкалье на поселение была сослана большая группа декабристов [33; 76, стр. 59—116]. В Баргузине еще в 1961 г. можно было видеть дом, в котором, по пре-

данию, жил и умер декабрист Михаил Карлович Кюхельбекер и где бывал у него его брат Вильгельм Кюхельбекер, также с 1835 г. сосланный в Баргузин [фотография дома опубликована: 72, стр. 74; см. также 61].

Просветительская деятельность ссыльных декабристов имела большое значение для хозяйственного и культурного развития края. Так, Михаил Карлович Кюхельбекер познакомил баргузинских жителей со многими новыми приемами земледелия; кроме того, ему принадлежит инициатива введения картофеля в Забайкалье. Одно из полей близ Баргузина до сих пор называется «Карлово поле» (сообщено учителем И. Т. Затеевым) [см. также 122, стр. 227—229].

После польских восстаний 1831 и 1863 гг. число ссыльных увеличилось. В последней трети XIX в. в Баргузин были сосланы видные революционеры-народники: Е. К. Брешковская, Н. С. Тютчев и др. Продолжается и ссылка крестьян на поселение, в особенности после крестьянских волнений 60-х годов. Многие из опрошенных нами информаторов ведут свое происхождение от ссыльнопоселенцев. Так, родители Т. В. Королева (103 года, дер. Адамово) были сосланы из Владимирской губернии «за убийство помещичьего гуся»; от ссыльнопоселенцев же ведут свое происхождение Н. А. Шелковников (70 лет, дер. Адамово), Анна Сизых (79 лет, Баргузин), И. В. Сергеев (87 лет, Большое Телятниково), М. Н. Зубков (62 года, Большое Уро) и др.

Открытие в 40-х годах XIX в. богатых золотых приисков в Баргузинском районе увеличило приток населения. К 60-м годам Баргузин становится основным золотопромышленным центром Забайкалья [58; 114]. На приисках было занято 11,5 тыс. рабочих. Основную же массу переселенцев давала народная стихийная колонизация. С середины XIX в. в район Баргузина начался приток переселенцев из западных областей России, большинство которых составляли великороссы, но среди которых были также малороссы, белорусы, евреи.

Села растут, число домов в некоторых из них достигает нескольких сот (в 1902 г. в комплекс Б. и М. Читкан входило 170 домов, в комплекс Телятниково Уро — 331 дом [102, 1903]). В то же время деревни в низовьях, где земледельческих угодий было меньше, растут медленнее (Адамово — 42 двора, Бошарово и Усть-Баргузин вместе — 47 дворов на 1897 г. [23, вып. I, стр. 2]). Чрезвычайно характерным для Баргузинского уезда второй половины XIX в. стало появление многочисленной прослойки торговцев и скупщиков, вызванных к жизни золотой горячкой и высокими прибылями от пушного промысла [58; 114]. В городе Баргузин вырастают дома богачей, среди которых выделялось семейство Новомейских. Благодаря отдаленности от основных центров местные купцы были полными монополистами как в скупке, так и в продаже.

В связи с ростом населения в конце XIX в. начинает ощущаться недостаток в удобной пахотной земле и возникает необходимость регулирования земельных отношений. Прежнее бесконтрольное захватное землевладение заменяется системой наделного душевого землепользования, а сами душевые наделы постепенно сокращаются⁸. Отсутствие свободных земель привело к значительному замедлению роста населения. Так, если в 1897 г. в Баргузинском уезде было 25 467 человек, то в 1911 г. — 28 236 человек, тогда как за тот же период население Верхнеудинского уезда увеличилось со 167 871 до 216 676 человек, а Читинского со 138 792 до 228 404 человек [10, т. 1, стр. 89]. Когда в начале XX в. интенсивно развернулась государственная колонизация Сибири, в том

⁸ Эволюция земельных отношений подробно рассматривается ниже.

числе и Забайкальской области, о долине нижнего течения Баргузина (и о Читканской волости, в частности) уже не было и речи как о возможных районах колонизации, ибо почти все удобные земли здесь были использованы [110; 115].

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Основным занятием русского населения долины р. Баргузин на рубеже XIX—XX вв. было земледелие. Большую роль играли рыболовство, охота и животноводство (разведение молочного и мясного скота, а также лошадей). Рыболовством занималось главным образом население прибрежных районов (Усть-Баргузин, Бошарово). По мере удаления от Байкала роль рыболовства падала, а значение земледелия возрастало. Например, в Адамове (18 км от Байкала) земледелие и рыболовство занимали равное место в занятиях населения. Выше поселка Баргузин рыболовство имело уже только подсобное значение. С развитием земледелия все больше уменьшалась роль охоты. Аналогичное комплексное хозяйство мы видим и в Приангарье, и в Енисейской губернии, и в других районах со сходными экологическими условиями [13; 19; 22; 30; 53; 56; 91; 92; 116], ибо занятость одним видом хозяйства не могла обеспечить всех потребностей населения⁹.

В соответствии с географическими (и в первую очередь климатическими) особенностями края русские крестьяне выработали особую систему земледелия: свой порядок севооборота, ухода за почвой и др. [36, 1970, стр. 185—194; 67, вып. I, стр. 226—245].

Из сельскохозяйственных культур широкое распространение имели «ярица» (яровая рожь), яровая пшеница, а также овес; озимая рожь, ячмень, гречиха и картофель занимали незначительное место и в отдельные годы даже совсем не высевались. Озимая пшеница распространения не имела, так как сильные зимние ветры сдували не только снежный покров, но нередко и верхний слой почвы, имеющий сыпучую структуру. Известны лишь отдельные случаи ее опытных посадок (подобный опыт, например, успешно проделал дед нашего информатора П. И. Телятникова (84 года, из Б. Телятникова). Материалы официальной статистики показывают, что в 1897 г. в Читканской волости под ярицей было занято 59% площади посевов, под яровой пшеницей — 23,3%, под овсом — 13,9%, под ячменем — 3,5% и под озимой рожью — 0,3% [23, вып. X, стр. 158]. Такое соотношение сохранилось и в 1913 г. [44а, стр. 77]. Овощные культуры играли незначительную роль, хотя опыты, проводимые с 1907 г., показали, что многие овощи могут успешно выращиваться в условиях Баргузинской тайги [115, стр. 17—18]. Слабое развитие огородничества можно отчасти объяснить тем, что здесь не было крупных городских центров — массовых потребителей овощей, как это имело место в Иркутской губернии, где, при сходных природных условиях, огородничество получило значительное развитие и выращивались даже огурцы и арбузы. Фруктовые сады повсеместно отсутствовали¹⁰.

Одной из важнейших проблем земледелия было (и остается теперь) орошение. Главным препятствием к земледелию в Забайкалье

⁹ Очень много сходных черт в хозяйстве обнаруживается с Северо-Восточной Русью, а также с лесными районами Северо-Западной Руси [ср. 68, сб. 3, стр. 5—40, сб. 4, стр. 67—138, и др.].

¹⁰ Лишь с середины 1940-х годов энтузиасты-садоводы пытаются ввести в районе морозостойкие плодовые деревья с низкостелющимися кронами и ягодные кустарники: (И. Т. Затеев в Баргузине, Т. М. Малико в Б. Телятникове и др.).

служат не морозы, как можно было бы думать, а летние засухи, так как район отличается жарким засушливым летом [72, стр. 70; 109, вып. 2, стр. 2]. Обеспечение постоянных и устойчивых урожаев могло быть достигнуто только при помощи развитой системы орошения¹¹. Русские поселенцы создали обширную оросительную сеть. Уже сто лет тому назад существовала разветвленная система оросительных канав, шедших по склонам сопок. От центральных канав вода отводилась на поля. Своё начало канавы брали часто за много километров вверх по течению источника орошения (реки, ручья), от которого вода шла на поля. Приток воды на поля регулировался с помощью запруд. Первое время канавы строили отдельные хозяева; позднее сооружение оросительных канав и поддержание их в порядке стало одной из главных забот общины. Некоторые канавы достигали длины в несколько десятков километров (т. н. Волковская и Зубковская канавы в деревенском комплексе Уро — Телятниково). Любопытно, что в систему, созданную русскими крестьянами, вошли и некоторые из сохранившихся оросительных канав, построенных древнейшим дорусским населением (например, Баргутская канава в Уро). Важно также отметить, что русское земледельческое хозяйство послужило примером для скотоводов-бурят, которые под влиянием русских крестьян перешли к земледелию и к оседлости, что единодушно было подтверждено проведенными нами опросами в Баянголе и на Ольхоне [ср. 101, стр. 5; 109, стр. 66—68].

Животноводство не было ведущей отраслью хозяйства [23, вып. XIII]. Однако в хозяйствах скота было много. Лошади и коровы имелись почти во всех хозяйствах. Наибольшее количество скота на одно хозяйство приходилось на те районы Читканской волости, где было наиболее развито земледелие. Напротив, Низовские общины (в которые входили деревни, расположенные у устья Баргузина), имевшие недостаточно удобной земли, были значительно беднее скотом. Средняцкое хозяйство имело 5—10 лошадей и нередко более десятка коров, зажиточное же — свыше 15 лошадей и более 20 коров. Наряду с этим имелись и безлошадные хозяйства, общее число которых по Читканской волости в 1897 г. составляло 14% [23, вып. III, стр. 7; 66, стр. 345—346]. (Крестьянин С. И. Франтенко отмечал, что в Б. Телятникове на сотню дворов было около десятка безлошадных; сходные цифры называли и другие информаторы.) Такое сравнительно большое количество скота на один двор характерно для Сибири. Правда, животноводческая статистика по Баргузинскому уезду, а особенно по основным земледельческим районам Забайкалья, дает цифры несколько выше средних для земледельческих районов остальной Сибири, где в начале 1890-х годов на среднее русское крестьянское хозяйство приходилось 5—6 рабочих лошадей и столько же коров, а если взять все крестьянство, то соответственно 3—4 лошади и 2—3 коровы [95, стр. 134]. Эти средние данные не намного изменились к 1920-м годам: так, в Енисейской губернии в это время на одно средняцкое хозяйство было зарегистрировано 3—5 лошадей и 6—10 коров [22, стр. 103; см. также материал об ангарских крестьянах: 91, стр. 40]. Следует отметить, что, несмотря на противоречивость многих источников, средние данные сходятся.

¹¹ Это понимали уже древнейшие насельники края, занимавшиеся земледелием (мы не касаемся здесь вопроса об их этнической принадлежности: см. сноску 6 на стр. 187). Первые русские, пришедшие сюда в XVII в., встретились с остатками их оросительных сооружений, которые частично сохранились до наших дней, а их юваные железные и литые чугунные сошники находят не только археологи, но и крестьяне во время полевых работ [17, вып. 2, стр. 35—36; 71, стр. 418—431; 84, стр. 116—117, 134—135].

Молочный скот был мало продуктивен: обычный дневной надой считался хорошим, если корова давала пять-шесть литров молока. Летом скот отгоняли на летние пастбища, где содержали без пастуха [23, вып. XII]. Мелкий скот разводили не везде и в небольшом количестве: в хозяйстве овец было значительно меньше, чем коров и даже лошадей¹². Свиноводство в Баргузинском районе, как и в большинстве районов Сибири, развито не было, как и птицеводство, хотя каждое хозяйство имело некоторое количество домашней птицы (главным образом кур).

Хотя рыболовство лишь для прибрежного населения было основным занятием, но исключительные рыбные богатства Байкала привлекали жителей даже сравнительно удаленных от него сел и деревень. Что касается самой р. Баргузин, то в описываемое время она не имела промыслового значения, хотя, по рассказам и по историческим материалам, в прошлом река была настолько богата рыбой, что вполне обеспечивала население, которому не было нужды прибегать к широкому промыслу на Байкале¹³. В рассматриваемый период часть побережья Байкала у устья Баргузина принадлежала крестьянам (так называемый район Глинка), часть — Троицкому монастырю Иркутского архиепископского дома (информация М. Н. Зубкова из Б. Уро). Основное промысловое значение имела белая рыба — омуль, сиг, хариус, которая добывалась «на море» с помощью сетей и неводов. Рыбаки из дальних селений имели на Байкале сборные невода на паях. В реках, поймах и старицах ловили особыми неводами так называемую шаровую рыбу (не белую). Шаровая рыба рыночного значения не имела, тогда как белая рыба, особенно омуль, была важным предметом обмена на недостающий хлеб. Цена омуля в среднем держалась на уровне 6—10 рублей за сотню [94, стр. 60].

Важное подсобное значение имела охота. Окружающая тайга изобилвала зверем — белкой, соболем, медведями, изюбрями и т. д. На охоту ходили не только в окрестные леса, но и за сотни километров в таежные районы, расположенные на северо-восточном побережье Байкала. В этих местах, где водился особо ценный, «подлеморский», соболь, охотничьи угодья принадлежали либо государству, либо ороочонам. Государство, а также ороочоны сдавали их в аренду купцам¹⁴, нанимавшим в свою очередь охотников-половинщиков или охотников «за четвертый рубль». Охотник-половинщик получал все снаряжение от купца, который доставлял его к месту охоты, за что охотник отдавал купцу половину добычи. Охотник, нанятый «за четвертый рубль», имел свое снаряжение и отдавал четверть добычи лишь за право охотиться в данном месте. (Подробно об этом рассказал 89-летний Г. В. Проскуряков из села Суво.)

По официальным данным, в 1897 г. охотой в Баргузинском округе занималось 261 хозяйство, т. е. 7,3%, из них исключительно охотой было занято 2,9% (второе место по Забайкальской области) [23, вып. XIV, стр. 95]. Однако из материалов, собранных нами, видно, что

¹² В первой половине XIX в. овцеводство играло несравненно большую роль, чем во второй половине, и число овец на отдельное хозяйство было значительно большим [24, ч. II, стр. 297]

¹³ Об исключительных рыбных богатствах Байкала и впадающих в него рек писали уже Аввакум, Спафарий и др. [9; 20, ч. VIII, 1853, отд. 4, стр. 1—42; 24, ч. I, стр. 342—348; 37]. У байкальских старожиллов сохранилось предание, что «в старину рыба шла в Селенге столь густо, что по ней переходили с одного берега на другой».

¹⁴ Во многих районах Сибири лучшие охотничьи угодья находились во владении коренного населения, у которого русские их арендовали.

охотой как вспомогательным промыслом занимались практически все семьи, в которых было несколько мужчин.

На охоту ходили после окончания осенних полевых работ и до весны. Охотники готовили необходимое снаряжение на месяц-два и отвозили его в специальные лесные юрты. На многодневный промысел в далекие леса охотники уходили группами в два-три и более человек. Во время охоты они нередко неделями оставались в лесу, ночуя на снегу, у костра («на пустолясе»). Охотничий сезон начинался обычно с «белкования» (октябрь—ноябрь), затем, с января, охотились на соболей («соболевали»), весной били изюбря. Медведей били во все времена года. Обычно хороший охотник добывал за сезон 100—150 белок, до 6—7 соболей, а иногда и десять [ср. 22, стр. 80]. Известный охотник из села Телятникова А. А. Воронин (90 лет) рассказал нам, что он на своем веку убил около 40 медведей. Меха продавали в уездных центрах — Баргузине и Верхнеудинске купцам; иногда купцы скупали меха и на месте¹⁵.

Важным дополнительным занятием населения в зимние месяцы был извоз (ямщина), которым занимались многие семьи, беря подряды на перевозку продовольствия и иных товаров на таежные промыслы, а также на перевоз зерна, туш скота и прочих грузов. В Баргузинском округе извоз был одним из самых распространенных зимних промыслов, что в значительной степени объясняется необходимостью снабжения золотых приисков, которых на Баргузине было 81 (в том же — 1897 г. — по всем остальным округам Забайкалья число приисков определялось в 111 [23, вып. IV, стр. 86—87]). Достаточно сказать, что в 1897 г. в Баргузинском округе извозом занимались 676 хозяйств, т. е. 16,1% (третье место после Селенгинского и Нерчинского округов [23, вып. XIV, стр. 89]). Перевозки часто были очень дальними, на сотни верст (на удаленные прииски, до Иркутска и даже до Лены — поселка в верховьях реки Лены). Регулярное занятие извозом давало возможность некоторым семьям увеличивать число лошадей, которые летом использовались на сельскохозяйственных работах и позволяли расширить запашку, а зимой, отправляемые в извоз, оправдывали свое содержание за счет доходов от извозного промысла. При этом нередко весь доход от извоза шел на зимнее содержание скота. Многие наши информаторы сами в молодости занимались извозом (А. Н. Телятников и И. В. Сергеев из Телятникова, Е. И. Кокорин из Суво и др.).

Были и другие приработки. Представители бедняцкой прослойки в Душелане, Суво, Алге работали на сульфатном и глиняном «заводах», принадлежавших баргузинскому богачу Новомейскому. На этих заводах, которые точнее было бы именовать мастерскими, были заняты как мужчины, так и женщины: мужчина получал 1 р. 20 к., в день, женщина — 60 коп. (сообщено М. М. Колмаковым, Алга). На «заводах» работали через день, чтобы оставалось время для сельского хозяйства. Подобная организация была возможна, так как заинтересованных в приработке было так много, что производство можно было

---

¹⁵ В предреволюционные годы обычно стоимость беличьей шкурки равнялась 30—50 коп., собольиной — от 50 до 300 рублей. Баргузинский соболь, имевший рыжеватый мех, ценился не выше ста рублей. Самым ценным был черный «подлеморский» соболь, отдельные экземпляры которого ценились исключительно высоко: до 700, 1000 и даже 1500 рублей. Г. Ф. Колмаков (75 лет, деревня Алга) рассказал, что ему однажды удалось убить соболя, оцененного в 1100 рублей. О двух убитых им полуторатысячных соболях сообщил Г. В. Проскураков. Приведенные нами цифры подтверждаются рассказами многих других старых охотников [ср. данные за 1830 — начало 1850-х годов, приведенные Гагемейстером: 24, стр. 310].

организовать даже в три смены (сообщено Д. М. Козулиным, 82 года, Суво).

Одной из форм приработка был лесной промысел, которым, по официальным данным, в 1897 г. занималось 7% хозяйств Читканской волости [23, вып. III, стр. 17].

В конце XIX — начале XX в. в описываемом районе в значительной степени еще сохранялось замкнутое хозяйство [см. 21; 99, стр. 36 и 65]. Оторванность от европейских экономических центров сдерживала развитие товарно-денежных отношений, консервировала натуральность хозяйства. В связи с этим повсеместно были распространены домашние ремесла. Этого нельзя сказать о кустарном товарном ремесле, которое в Читканской волости, как и в ряде других районов Сибири, не получило большого распространения. Объясняется это повсеместным наличием домашних ремесел, сравнительно малым спросом на ремесленные изделия, недостатком технических навыков. Немаловажное значение имело и то, что земледелие и животноводство в большей или меньшей степени обеспечивали значительную часть населения. Именно поэтому кустарные товарные ремесла были наиболее развиты у новоселов, наименее обеспеченных землей и скотом; наоборот, у крестьян-старожилов, издавна имевших значительно большие наделы и потому преимущественно занятых земледелием и такими традиционными промыслами как охота, рыболовство, извоз, ремесла были менее развиты. Это вполне понятно, так как охота требует хорошего знания местных условий, извоз — известного благосостояния (наличия нескольких лошадей), тогда как ремесленные навыки, принесенные новоселами-переселенцами, могли быть немедленно применены на новом месте и стать, при недостаточной обеспеченности землей, источником существования.

Как и в большинстве дореволюционных русских сел Забайкалья, крестьяне в основном обеспечивали свои потребности собственными силами: сами строили дома, делали мебель, часто художественно украшенную резьбой, посуду, многие сельскохозяйственные и прочие орудия и т. д. Большинство таких промыслов было связано с обработкой дерева, что характерно для всей Сибири, изобилующей лесами. Распространенная глиняная утварь также изготавливалась первоначально почти в каждом хозяйстве, а позднее, с выделением отдельных мастеров-гончаров, ее производством занимались эти мастера и развозили по селам. Посуду делали на неподвижном гончарном круге. В настоящее время это ремесло забывается. Однако и сейчас почти в каждом селе еще можно встретить хозяев, которые сами изготавливают глиняную посуду (Н. Х. Шелковникова, 78 лет, Адамово; М. В. Колмакова, 53 года, Алга). Посуда имеет черный цвет, так как просушенные изделия калят до алого цвета в печи и затем опускают в раствор ржаной муки — «бурдучок». Центром гончарного производства была небольшая деревня Алга (выселок села Суво), окрестности которой славились хорошими глинами. Но и в Алге, хотя эта деревня и снабжала глиняной посудой все окрестные села, гончары работали без подвижного круга¹⁶. Широко распространены в быту самодельные глиняные подойники, кувшины, «конфорки» (подставки), чашки. Муравление глиняной посуды не было распространено.

Кроме глиняной посуды, в хозяйстве использовались «долбежки» — чашки, плоские и тому подобная посуда, выдолбленная из дерева, чаще

---

¹⁶ Любопытно, что здесь долгое время жил приезжий гончар, работавший с подвижным кругом, изделия которого отличались законченностью форм. Однако этот метод работы никто не перенял.

всего из березового корня или березовых наростов («свалов»); туески — небольшие сосуды из бересты; турсуки — корзины, сплетенные из соломенных жгутов или ивняка, и пр. С конца XIX в. покупная металлическая посуда почти вытеснила глиняную посуду местного производства.

Многие семьи занимались грубой обработкой кож, употребляемых для собственных нужд (на шубы, некоторые виды обуви, на сбрую).

На ручных ткацких станках изготовлялись половики, холсты, грубые сукна. В наши дни домашнее ткачество исчезло почти повсеместно. Нам удалось описать и сфотографировать только один действующий ткацкий станок (у В. Л. Зверьковой из села Б. Уро).

С ростом экономических связей, с расширением торговли натуральный характер хозяйства стал исчезать, все большее количество предметов обихода, орудий труда и пр. покупалось, а не изготовлялось на месте. Развитие в Сибири промысленных центров и установление связей с ними (через посредство купцов и торговцев-разносчиков) привело к тому, что в баргузинские села стали проникать такие предметы, которые до этого изготовлялись местными мастерами и ими же распространялись [ср.: 80, стр. 133—146]. У баргузинских купцов, которые имели лавки не только в самом Баргузине, но и в больших селах, население приобретало необходимые сельскохозяйственные орудия, завезенные часто из районов Европейской России (например, металлические плуги), ткани, одежду, предметы домашнего обихода (металлическую и стеклянную посуду и др.), бакалею, охотничье снаряжение и т. д. Крупные купеческие дома отправляли разносчиков по селам. Торговля нередко шла в кредит: весной разносчик развозил товары, осенью приезжал за деньгами. Кредит мог быть длительным: например, швейные машинки «Зингер» продавались с рассрочкой на три-пять лет.

С увеличением спроса со стороны населения, с приобретением технических навыков выделяются мастера-ремесленники. Появились мастера-тележники, санники и другие, причем в ряде случаев наметилось наследственное сохранение профессии в отдельных семьях. В описываемом районе центрами ремесленного производства были Читкан и Б. Уро. Село Читкан особенно славилось своими мастерами-тележниками; так, по всей округе были известны телеги, изготовленные Бояркиными и Зарубиными. Традиция сохраняется до наших дней: авторы посетили в Читкане мастерскую Ф. М. Зарубина (70 лет) — колхозного мастера — тележника и санника. В больших селах имелись свои кузнецы. В Читкане, например, было пять кузнецов, столько же — в Суво. В каждой деревне были также свои плотники, бондари, столяры и мастера по изготовлению лодок (в селах близ Байкала).

Наряду с ремесленниками, живущими постоянно в одном селе и имеющими свои мастерские (мастерской при этом могла быть часть сарая или просто угол двора, прикрытый навесом), имелись и группы ремесленников — в основном портные, сапожники, столяры, — которые ходили из села в село, оставаясь на месте до тех пор, пока население нуждалось в их услугах. Чаще всего это были новые переселенцы, в том числе и те, которые осели вне пределов Читканской волости¹⁷.

По сообщению Е. И. Жокорина (66 лет, из Суво), в тех случаях, когда мастер получал достаточный доход от ремесла, он отказывался от своего земельного надела или от его части, так как не имел времени

---

¹⁷ По числу всех видов неземледельческих заработков Баргузинский район стоял на последнем месте в Забайкальской области [23, вып. XIV, стр. 114—115; ср. 116, т. II, стр. 483 и сл.].

обрабатывать землю, за право владения которой он тем не менее должен был нести ряд общинных и государственных налоговых повинностей. Таких мастеров называли «полудушками». По словам нашего информатора, его отец — шорник — был таким полудушкой.

Специфические условия Баргузинского района приводили к тому, что большая часть населения была втянута в торговлю хлебом с деревнями на р. Лене. Некоторые села постоянно нуждались в хлебе из-за отсутствия достаточного количества посевных площадей (например, деревни Низовского общества), в неурожайные же годы нужда в хлебе была всеобщей. При этом цены поднимались до 2,5 рубля за пуд хлеба при обычной цене 40—80 коп. [99, стр. 25]. За хлебом ездили либо на Лену, либо покупали его у приезжих иркутских и верхоленских купцов и крестьян [116, т. II, стр. 248 и сл., 670]. На Лену ездили обычно зимой на лошадях по льду Байкала. Хлеб либо покупали за деньги, либо обменивали на лошадей, мясо, рыбу. Обычно 4—5 пудов ржаной муки или овса давали в обмен за пуд соленого омуля (Н. А. Шелковников, 70 лет, Адамово; Г. В. Проскуряков, 89 лет, Суво). Селения, расположенные вверх по р. Баргузин, покупали хлеб у бурят, которые сами научились земледелию у русских переселенцев. О недостатке хлеба, сена для скота и об общем застойном состоянии экономики в начале XX в. в этом районе свидетельствуют многие авторы [11, стр. 17 и сл.; 16, стр. 27—30 и др.].

Население принимало активное участие и в торговле мехами, которые находили сбыт главным образом в Баргузине, а иногда продавались скупщиками — представителями баргузинских купеческих домов — на местах.

Значительное развитие торговли и вовлечение в нее все более широких масс населения составляло характерную особенность Баргузинского уезда в начале XX в. При этом наличие товарного выхода, как справедливо отмечает Н. А. Горская, исследовавшая товарность крестьянского хозяйства, «не мешала крестьянскому хозяйству оставаться *в своей основе* (курсив наш. — Ю. и С. М.) натуральным» [36, 1964, стр. 140]. Вместе с тем весь ход развития свидетельствовал о начавшемся разложении натурального хозяйства.

НОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБЩИНЕ

Читканская волость состояла из восьми сельских «обществ», или, по общепринятой терминологии, общин. Однако слово «община» забайкальскими крестьянами не употреблялось. Вместо него повсеместно были распространены термины «общество» («общество»), «мир» [ср.: 19, стр. 55—56; 69, стр. 9]. Понятие же «община» у них имело несколько иное содержание. Каждое из этих обществ — Сувинское, Бодонское, Телятниковское, Уровское, Большечитканское, Малочитканское, Шелковское и Низовское — имело свои собственные земельные наделы и составляло так называемую пахотную общину. В Низовском сельском обществе деревни Журавлево, Адамово и Пашино имели общие пашни и входили в одну пахотную общину, тогда как деревни Бошарово и Усть-Баргузин, ввиду отсутствия удобных земель, хлебопашеством не занимались и потому не принадлежали к пахотной общине, хотя числились в составе Низовского сельского общества. Земли соседних сел Телятникова, Уро, Читкана были расположены чересполосно. Кроме того, так как эти земли являлись основным пахотным массивом всей

Читканской волости, то некоторые деревни, менее обеспеченные удобными землями (Журавлево, Адамово, Пашино) имели здесь свои пашни. В то же время несколько сельских обществ, владевшие сенокосными угодьями (превосходившими по площади пахотные), составляли покосную общину. Таких общин было четыре; они объединяли Сувинское, Телятниковско-Уровское, Больше- и Малочитканское, Низовское сельские общества.

Таким образом, баргузинские крестьяне, как и крестьяне повсюду в России, где сохранились общинные порядки, существовали как бы в рамках двух структур: макроструктуры в виде волостных и иных официальных учреждений, подчиненных государству и его органам, и микроструктуры в виде сельской общины, развивающейся и существующей в значительной степени самостоятельно; при этом в некоторых своих частях обе структуры накладывались одна на другую [107, 1970, стр. 29]. Следует отметить еще одно обстоятельство, характерное и для других районов Сибири: государственные установления очень часто расходились здесь с реальной практикой крестьянской жизни¹⁸.

В рассматриваемый период в баргузинских селениях община была еще прочна и жизнедеятельна. Следует отметить, что общинное землепользование с характерной для него надельной системой постепенно утвердилось здесь, начиная со второй половины XIX в. До этого в долине Баргузина, как и повсюду в Сибири, земель было достаточно для того, чтобы каждый имел столько пашни, сколько он мог обработать. Этот способ земледелия, известный в литературе как захватный¹⁹ — способ, который, по словам А. А. Кауфмана, виднейшего специалиста по общине в России, «возникает при чрезвычайно редком населении и почти безграничном земельном просторе» [46, стр. 44—45, 59], — сохранялся до тех пор, пока, в связи с ростом населения, не стал ощущаться недостаток удобных земель.

Даже в период «захватного землевладения» для района Баргузина не были характерны обширные земельные владения. Первоначально села — зародыши будущих общин — возникали в виде отдельных хуторов (заимок). Первыми основателями села нередко были одна или две семьи, потомки которых живут там и сегодня. Например, деревня Бошарово населена в основном Бошаровыми и Чирковыми, в Адамово живут почти исключительно Меншиковы и Шелковниковы, в Большом Уро и Алге — Колмаковы, в Бодоне — Мисюркеевы; широко распространены фамилии Зверковы и Поповы²⁰. Эти заимщики не занимали все окружающие, еще пустующие земли, а обрабатывали только нужную им часть; к ним постепенно приселялись другие семьи, которые со временем образовывали деревню и даже село [ср. 13, стр. 185]. Захватные земли, достигавшие иногда нескольких десятков

¹⁸ Поскольку существование и функционирование общины опиралось на обычное право, а не только на государственные постановления, материалов по собственно общинным делам очень мало [107, 1970, стр. 25]. Отсюда особая ценность полевых материалов.

¹⁹ Термин «захватное» землевладение забайкальскими крестьянами не употреблялся, так как со словом «захватный» они связывали понятие нанесения ущерба [см. 69, стр. 15]. Вместо этого повсюду был распространен термин «росчисть». Впоследствии термин «росчисть» стали применять для обозначения пудобных земель, поднятых своими силами (т. е. силами семьи).

²⁰ Подобную картину мы наблюдаем и в других районах Забайкалья [см., например, 22, стр. 65 и 76; 69, стр. 8]; характерны они и для Сибири в целом. В то же время ряд историков выражает сомнение в том, что для всей Сибири можно говорить о господстве «индивидуалистической захватно-заимочной системы», как на том настаивал А. А. Кауфман и против чего возражали Н. П. Павлов-Сильванский и С. В. Бахрушин [см. об этом 13, стр. 174].

десятин, считались собственностью обрабатывающей их семьи, и передавались по наследству; они не подвергались никаким переделам и находились в бесконтрольном распоряжении своих владельцев. В конце XIX в. заимки как основа будущих поселений в Баргузинском районе уже не встречаются ввиду освоения большей части территории. Теперь заимкой стало называться временное жилище на пашне или покосе, куда хозяева выезжают только на сезон сельскохозяйственных работ. Устройство подобных заимок, т. е. временное выселение в отдаленные сельскохозяйственные угодья, сложилось отчасти под влиянием бурят.

С увеличением населения во второй половине XIX в., как уже отмечалось, количество удобных для пахоты свободных земель начинает постепенно сокращаться. Это связано как с естественным ростом населения и подъемом переселенческого движения, так и с возрастанием роли земледелия. Для обеспечения земель разросшихся и вновь прибывших семей возникает необходимость в «отрезке» части захватных земель, что постепенно приводит к поравнению наделов [100, стр. 249; 64]. Складывается надельное, или долевое, землевладение, «собственная» земля становится общественной. Это поравнение происходило по инициативе тех групп земледельцев, которые чувствовали себя ущемленными неограниченными захватами богатых заимочников, и сталкивалось поначалу с противодействием последних. Однако перед лицом новых масс переселенцев, также претендующих на землю, старожильческое население, при всех имущественных различиях в его среде, составило единую, социально привилегированную прослойку [ср.: 36, 1966, стр. 482—493; 69а, стр. 146—147].

Переход от захватного землевладения к надельному общинному прошел через ряд этапов. Вначале это была отрезка излишков, затем — введение душевых наделов орошаемой пахотной земли и постепенное их уменьшение; далее передел неорошаемых пахотных земель, а также росчистей и, наконец, сокращение усадебных земель при продолжающемся дроблении пахотных наделов. Таким образом, переход к надельному общинному землевладению выражался в первую очередь в возникновении переделов. При этом расширялся и круг общинных повинностей, совершенствовался общинный аппарат управления. Этот процесс был отмечен исследователем сибирской деревни Г. Чиркиным: «Неограниченно захватное пользование пахотными землями, связанное с правом отчуждения и передачей по наследству, прежде всего уступило место ограниченным захватным формам; затем появились так называемые частные поравнения: община в отдельных случаях отбирала *излишек* земли у многоземельных дворов и отводила отрезанную землю в надел дворам, особенно в ней нуждающимся; постепенно учащаяся, такие частные поравнения в конце концов приводили к общему поравнению и переделу, причем наиболее развились и приняли определенные формы уравнивания разнородных пахотных земель» [цит. по: 10, т. 1, стр. 559].

Аналогичная история покосных наделов, которые стали переделывать значительно раньше, чем пахотные.

В литературе о Сибири существовало мнение, что еще в конце XIX в. сибирский крестьянин не знал, что такое недостаток земли. Так, автор ряда этнографических статей о Восточной Сибири Д. Стахеев писал в 1895 г.: «Земля в Сибири принадлежит обществу и пользоваться ею может всякий по произволу... Земля ему (сибирскому крестьянину. — Ю. и С. М.) досталась еще от деда или прадеда по праву первоначального завладения, и он пользуется ею, не имея ни актов, ни крепостей на владение. Захочется увеличить ему свои пашни, — выберет

он удобную землю, очистит ее от леса, выжжет сор, корни и засеет» [103, стр. 195—196]. Однако собранные нами, а также уже опубликованные материалы показывают, что в конце XIX в. в Баргузинском районе начинает ощущаться нехватка удобных земель [69, стр. 11; цифровые данные см. 83, стр. 86—89]. В особенно тяжелом положении оказались крестьяне Читканской волости, так как все наиболее пригодные земли были освоены, а плодородные равнины в верховьях Баргузина принадлежали бурятам и тунгусам, которые не допускали заимок на их территории. Переход к поравнению в Читканской волости произошел в последние годы XIX в. О растущей остроте земельного голода свидетельствует тот факт, что уже в самом начале XX в. (т. е. через 15—20 лет после введения переделов) мы наблюдаем резкое сокращение наделов. 93-летний А. Л. Мисюркеев помнит то время, когда наделы только вводились. На переделах настаивали в первую очередь крестьяне обществ, наименее обеспеченных пахотной землей. Так, крестьяне Низовского общества уже в конце XIX в. выступают за общий передел пахотных земель по всей волости. В то же время более обеспеченные землей крестьяне Сувинского, Телятниковского, Читканского обществ противились такому общему переделу в рамках всей волости. Интересно отметить, что сами крестьяне этих обществ уже в течение 10 лет пользовались системой уравнильного землепользования. Мысль об уравнивании наделов возникла в Телятниковском обществе с проведением оросительной канавы (в 70-х годах), а в течение 1886—1890 гг. уже был произведен первый передел, после которого каждый год проходили частные поравнения. В конце XIX в. в Баргузинском уезде надельные земли составляли 49,3%, захватные — 50,7% [23, вып. IX, стр. 88].

Переделы («отрезки») вызывали много горячих споров и столкновений, о чем свидетельствуют как воспоминания наших информаторов, так и архивные документы. Первые отрезки не могли ликвидировать неравномерности в распределении земли, поэтому за ними последовали новые переделы и отрезки. На первых порах поравнение коснулось только орошаемых земель, отменить же право хозяев на рощисты община не решалась, так как она была заинтересована в подъеме новых земель. Право на рощисты существовало долго после того, как другие земли были неоднократно переделаны. Но так как неограниченное пользование рощистами вело к сосредоточению больших земельных владений в руках отдельных семей, постепенно было введено правило, согласно которому запрещались рощисты без предварительного разрешения общества [23, вып. VII].

Система переделов, принятая по всей Сибири, и в том числе в Забайкалье, отличается от переделов, характерных для общин Европейской России, стремлением избежать дробления участков на мелкие полосы и связанной с этим чересполосицы. Особо пристальное внимание уделялось оценке земли по ее качеству, что объясняется почвенно-географическими условиями. Отсюда — распределение земли «по сортам», т. е. по качеству угодий, введенное повсеместно в Читканской волости начиная с последней четверти XIX в. [ср. 10, т. 1, стр. 559; 22, стр. 24].

Правила землепользования, сложившиеся в конце XIX — начале XX в., практически оставались неизменными и после революции, вплоть до коллективизации. Вся земля находилась в распоряжении общества, которое распределяло ее подушно между всеми членами. Регулярных переделов не было, но по мере роста населения общество отрезало землю у тех, у кого ее было больше, стремясь наделить зем-

лей каждого члена общины. С отсутствием регулярных переделов было связано закрепление надела за определенным лицом.

Душевой надел полагался каждому мужчине, достигшему 18 лет (возраст, когда мужчина считался полнолетним), и сохранялся за ним до 55 лет (возраст, когда мужчина становился полутьглым) [ср. 91, стр. 24]. С 55 лет мужчина получал половинный надел. В тех селах, где не так остро ощущалась нехватка земли, отрезка половины надела происходила по достижению мужчиной 60 (свидетельство Г. Ф. Колмакова, 75 лет, Алга) и даже 65 лет (свидетельство А. Н. Телятникова из Б. Телятникова), а не 55. В связи с этим любопытен «приговор» Уровского общества, в начале 90-х годов наградившего заслуженных стариков прибавкой $\frac{3}{8}$ десятины и лишившего двух стариков наделов из-за того, что они сдавали свои наделы в аренду, а сами жили мирским подаянием [23, вып. X, стр. 98]. Уходившие в солдаты лишались надела, если не имели семьи. Женщины податей не платили и не получали земельного надела, за исключением тех случаев, когда женщина оставалась одна с детьми после смерти мужа.

Как уже отмечалось выше, душевой надел не был постоянным и уменьшался с ростом населения. На его размеры влияло также количество земель лучшего качества (в первую очередь искусственно орошаемых) у данного села. Например, в Адамове, где такой земли было мало, душевой надел равнялся $\frac{3}{4}$ десятины; в Читкане, лучше обеспеченном орошенной землей, в начале нашего века надел составлял 2 десятины (сведения Я. С. Попова, 72 года; И. А. Максимова, 62 года), а уже в 20-е годы, по сообщению бывшего доверенного по земле И. В. Малыгина (55 лет), надел сократился до $\frac{7}{8}$ десятины. В таких селах, как Телятниково, Уро, Суво, где удобных земель было больше, а также в расположенных по соседству с ними деревнях Душелан и Алга в конце XIX — начале XX в. на душу приходилось не менее трех десятин пахотной земли (сообщено С. И. Франтенко, 75 лет, И. В. Сергеевым, 87 лет — из Телятникова; Г. В. Проскуряковым, 89 лет, С. Р. Плехановым, 78 лет, Д. И. Козулиным, 82 года и Е. И. Кокориным, 66 лет — из Суво; П. С. Меншиковым, 83 года — из Душелана; И. Л. Колодиным, 85 лет и Г. Ф. Колмаковым, 75 лет — из Алги).

Но и в это время, несмотря на сравнительно крупный надел, вопрос о земле становится очень острым, о чем говорит тот факт, что все пахотные земли были уже к 1895 г. учтены с точностью до $\frac{1}{8}$ десятины [23, вып. VIII, стр. 15]. Процесс сокращения душевого надела и в сравнительно обеспеченных землей обществах шел весьма интенсивно. По сообщению тех же информаторов, уже к началу первой мировой войны наделы сократились до 2,5 (Алга, Душелан) — 2 (Телятниково, Уро, Суво) десятин орошаемой земли. Сокращение происходило постепенно; обычно от первоначального надела отрезали при каждом переделе по одной восьмой десятины. Отметим, что в 20-е годы, последние годы существования общины на Баргузине, душевые наделы сократились до 1,5 — 1 десятины и меньше. О сокращении наделов и уменьшении заинтересованности в них со стороны некоторых категорий местных крестьян уже в начале XX в. говорит тот факт, что солдаты, имевшие право на полный надел по окончании службы, зачастую отказывались от него, чтобы не нести повинностей, связанных с владением землей.

Пахотная земля, распределяемая по душам, делилась на три сорта, в зависимости от качества. Первые два сорта составляли удобные орошаемые земли, третий сорт — плохо орошаемые и неудобные, а также болотистые («калтусные») земли. Земли первого сорта в душевой

надел обычно входило наименьшее количество; что касается земли третьего сорта, то на первых порах в ряде сел она давалась без ограничений, однако в связи с растущим малоземельем, постепенно появилась норма надела и для этих земель. Во второй половине 90-х годов в Телятникове распределение пахотной земли по сортам выглядело следующим образом: все полнотяглые имели земли первого сорта — $2\frac{1}{4}$ десятины, второго — $1\frac{1}{8}$ десятины, третьего — полдесятины и больше [23, вып. X, стр. 98]. В первом десятилетии XX в. в том же Телятникове мы видим уже иную картину: земли первого сорта отводилось $\frac{1}{2}$ десятины, второго сорта — тоже $\frac{1}{2}$ десятины, зато третьего сорта — 2 и более десятин. В Суво в душевой надел входило земли первого сорта $\frac{1}{4}$ десятины, второго сорта — $\frac{3}{4}$ десятины, третьего сорта — 2 десятины и более (по сообщениям информаторов).

Ввиду того, что душевые наделы не удовлетворяли нужды семьи (ведь женщины, старики, дети не получали наделов), население искало дополнительных источников пахотных земель. Каждый житель села (даже пришлый) имел право на росчисть, что характерно для всей Сибири. Росчисти — это либо участки земли, очищенные от леса, либо осушенные болотистые земли, либо неудобные каменистые склоны гор, которые собственным трудом семьи были превращены в пахотные земли. Первоначально размеры росчистей никем не регулировались. Впоследствии захватная форма росчистей сменилась отводом. Сначала отвод означал просто санкционирование уже произведенного захвата. Хозяева сами просили общину отвести им уже расчищенный участок с тем, чтобы оградить его от посягательств других членов общины. Постепенно община взяла на себя регулирование росчистей и отвод их стал обязателен; общество выдавало письменное удостоверение, обеспечивавшее право общинника на росчисть. В течение сорока лет расчищенный участок не облагался податями и оставался в полной собственности того, кто его расчистил. Участок, не засеваемый в засушливые годы, продолжал принадлежать своему владельцу. После сорока лет участок включался в земельный фонд общества, распределяемый по душам.

Росчисти были основным источником пополнения фонда пахотных земель. Длительное (первоначально даже бессрочное) владение росчистями при одновременном существовании передельной системы в отношении удобных пахотных земель являет собой смешанную форму землевладения, при которой община стала хозяином одной части земель, тогда как другая часть еще остается в наследственном владении одной семьи [ср. 91, стр. 24].

Однако такой порядок продолжался недолго. Общество начинает ограничивать размеры отводимых под росчисти площадей и ставит эти размеры в зависимость от состава семьи, платежеспособности, а также качества земли, отводимой под росчисть. Уже накануне первой мировой войны росчисти облагались налогами через десять лет после того, как они приносили первый урожай. Срок пользования иногда бывал сокращен: например, П. И. Телятников, расчистивший полдесятины земли, получил одну половину этого количества на сорок лет, тогда как вторая половина через «два урожая» отошла к обществу. Общество, давая разрешение на росчисть, начинает учитывать количество труда, затраченного на данную росчисть, и в зависимости от этого определяет срок пользования ею. Росчисти, требовавшие максимальных затрат труда, оставались в пользовании дольше, чем те, которые требовали меньше труда. Наименее удобные каменистые склоны в отдельных случаях оставались в пользовании даже бессрочно, тогда как

мягкие таежные земли сохранялись за данным лицом в течение, например, двенадцати лет.

Расчистка тайги или иных неудобных земель под пашню требовала от крестьянина огромных затрат труда, а также и денег, и была под силу лишь более или менее крепким семьям. Затраты на расчистку окупались только через десять-пятнадцать лет. Обычно расчистка производилась непрерывно, по крайней мере, в течение ряда лет с тем, чтобы участки, расчищенные ранее, можно было засеять. Некоторые большие семьи имели расчистей до 10 десятин (например, семья отца крестьянина Я. С. Попова из Читкана). Семья Ф. М. Зарубина, куда входили также и три его брата, расчистила 6—7 десятин земли, а А. А. Воронин из Телятникова один расчистил две десятины. В среднем же на средняцкую семью приходилось до полутора десятин расчистей.

Помимо пахотных земель, крестьяне имели усадебные земли, которые нельзя было продавать. Можно было продать только постройки. Вместе с ними покупателю переходил и усадебный участок. Продажа построек с прилегающей к ним приусадебной территорией разрешалась только крестьянам своей же волости. Раньше приусадебные участки, как и пашни, были захватные, но в описываемый период община уже распространила свое влияние и на усадьбу, ограничивая, как было указано выше, право продажи, а также право завещания. Здесь вмешательство общины, однако, не было столь активным и обязательным, как в отношении пахотных участков.

В Читканской волости происходили частые уравнивания приусадебных участков путем отводов и отрезок: уравниванию подвергались огороды, это не касалось застроенной части. В большинстве крупных сел Читканской волости приусадебный участок занимал не более полдесятины. Периметр участка мог быть различен: так, в Большом и Малом Читкане усадьбы имели протяженность 18 сажень по улице и 60 сажень вглубь, в других деревнях, при той же площади, линейные измерения могли быть иными. В Уро и Телятникове, где было больше земель, каждый достигший 18 лет, и даже новосел, получал, помимо душевого надела, $\frac{1}{4}$ десятины под усадьбу. Из-за приусадебных участков неоднократно разгорались споры, поскольку некоторые хозяева использовали их не под огород, а под пашни.

Большое значение для крестьян Читканской волости имели сенокосные угодья, ввиду сравнительно большого количества скота. Если пахотные участки закреплялись за семьей, то сенокосные участки ежегодно переделялись [ср. 69, стр. 20; 91, стр. 25]. Это объясняется тем, что участки были неравноценны по качеству и общество стремилось уравнивать долю всех общинников в пользовании покосами. Распределение покосов по качеству возникло раньше, чем наделение пахотной землей по сортам. Существовала система паев, заключающаяся в том, что каждый крестьянин с 18 лет имел право на сенокосный пай (душевой пай). Все сенокосные участки, в соответствии с их качеством, были «застолбованы» и пронумерованы, причем каждый из участков оценивался в определенное минимальное количество паев. Затем устраивались общие торги. В торгах участвовала вся покосная община в лице представителей от всех деревень. Такой представитель, помимо своего пая, имел пай, порученные ему односельчанами, иногда 20-ю, 30-ю и более; соответственно и количество паев у него достигало нескольких десятков. Торг шел по поводу каждого отдельного участка. Участок доставался тому, кто давал за него наибольшее число паев. Представитель стремился распределить свои пай на торгах так, чтобы

получить два участка: один на низком месте (мокрый участок), другой — на высоком (сухой). Делалось это для того, чтобы обеспечить себя сеном и в засушливое и в дождливое лета.

После общинных торгов между односельчанами — владельцами паев происходит раздел участков «по траве», чтобы на каждый пай приходилась доля участка с одинаковым травостоем. Первоначально торги происходили около Петрова дня (конец июня), позднее торги были перенесены на Пасху (т. е. с лета на весну). Дело в том, что в последнем случае хозяин успевал «выпалить» (выжечь) полученный участок и тем самым добиться лучшего травостоя. Кроме того, на Пасху было неясно, каким будет лето — сухим или влажным, и поэтому богатые не могли набивать цены на участки, не зная, какие окажутся лучше — влажные или сухие. (Данные о сенокосах и торгах сообщены И. В. Малыгиным из Читкана и Е. И. Кокориным из Суво.)

По некоторым данным, в Забайкалье сенокосные угодья и сенокосные рощи могли передаваться по наследству или не передавались в течение длительного срока в том случае, если хозяева сами или расчистили, или осушили, или оросили эти участки [23, вып. X, стр. 111—112]. В обследованном районе это зафиксировано не было.

Пастбища находились в нераздельном пользовании всех членов общины (иногда совместно с соседней общиной), и между семьями не делились. Выгонами служили незанятые земли. Между русскими, с одной стороны, и бурятскими и тунгусскими пастбищами, с другой, существовали границы, однако они соблюдались не слишком строго; заключались и договоры о совместном пользовании выгонами. Но и при отсутствии такого договора появление скота на чужой территории не приводило к ссорам (сообщение А. Л. Мисюркеева и др.). Можно отметить, что, когда дело касалось пастбищ, отношения между русскими и бурятами были несравненно более мирными и дружескими, чем в случаях, когда речь шла о пограничных или спорных пахотных землях [ср. 79, стр. 24; 93, стр. 20]. Это объясняется большей обеспеченностью описываемого района пастбищами, чем пахотными землями.

Каждый член общины имел неограниченное право пользования окружающими лесами. Однако с последней четверти XIX в. государство начинает контролировать порубку леса; контроль постепенно становится более строгим, и крестьянам, нуждающимся в лесе, приходилось «выкупать лес у государства» (сообщено П. И. Телятниковым).

Таковы были нормы землевладения и землепользования у баргузинских крестьян на рубеже двух веков.

В среде советских сибироведов нет единства по вопросу о том, как характеризовать социально-экономический строй в Сибири. Ряд исследователей — В. И. Шунков, В. Н. Шерстобоев, П. И. Малахинов и др. — утверждают, что в Сибири существовал феодальный строй — либо в государственно-феодальной, либо в частно-феодальной форме [66; 82; 97; 116; 119]. Обоснованием этому служат, по мнению В. И. Шункова, следующие три положения: признание государства земельным собственником, наличие барского хозяйства, наряду с крестьянским наделом, прикрепление крестьянина к земле [119, стр. 411]. Автор великолепной монографии о крестьянстве района Лены В. Н. Шерстобоев отождествил государственный феодализм с азиатским способом производства и писал, что «этот азиатский способ производства в форме государственного феодализма и утвердился в Сибири» [116, т. I, стр. 594]. Вместе с тем он показал, что уже к концу XVIII в., в силу ряда причин, «оказывается совершенно ненужным вмешательство государства в производственную деятельность сибирского крестьяни-

на и в его земельные дела» [т. II, стр. 671]. П. И. Малахинов, возражающий против тезиса об азиатском способе производства [66, стр. 229—236], настаивает на том, что аграрная эволюция в Сибири имела феодально-крепостнический характер и ее «следует рассматривать не иначе как разновидность прусского пути» ввиду зависимости Сибири от феодально-крепостнического центра [стр. 434; см. также стр. 217 и сл.]. Вместе с тем он отмечает, что в Сибири не было помещиков, и крестьянин «стоял во главе аграрной эволюции, что характерно вообще для американского пути развития...» [стр. 434].

Вторая группа исследователей — Л. М. Горюшкин, В. Г. Тюкавкин и др. — не считают, что в Сибири был частно-феодальный строй, хотя признают наличие феодального уклада [28; 29; 36, 1966, стр. 706—714; 80, 38—73; 110; 111]. Они полагают, что с начала XX в. здесь уже преобладает американский путь развития [35, стр. 60; см. также 104, стр. 510—511]²¹.

Материалы по обследованному нами району безусловно говорят против частно-феодального строя: ни о барской запашке, ни о прикреплении крестьян к земле в Баргузинском районе никаких свидетельств нет. «Государева» же десятина, собираемая в XVII—XVIII вв., и взимаемые в XIX — начале XX в. налоги поступали непосредственно в государственную казну. Это позволяет говорить об элементах государственного феодализма, существовавших довольно длительное время, а с начала XX в. уступивших место капиталистическому развитию по американскому пути, хотя и опутанному феодальными узами — прежде всего в области административной.

По-видимому, при изучении сибирского крестьянства, — как, впрочем, и крестьянства других, территориально обширных, экологически разнообразных, исторически сложных районов, — следует подходить дифференцированно, учитывая не только общую схему исторического развития, но и локальные особенности и варианты (например, для Сибири: наличие земельных просторов, колонизационные процессы, отсутствие помещиков и прикрепления крестьян к земле). На наш взгляд, правы авторы работы «Азиатская Россия»: «...земельные порядки в Азиатской России представляют самый разнообразный и интересный материал для изучения последовательного развития форм земельного обладания. Вместе с тем это — картина постоянного движения. И если изучение формально действующих здесь узаконений о землепользовании не дает еще верного представления о действительности, то и исследования и описания фактического положения вещей должны почитаться верными лишь в отдельных случаях для данной местности и для данного времени, не давая основания к слишком широким и общим заключениям» [10, т. I, стр. 534—535].

УПРАВЛЕНИЕ И НАЛОГИ

Управление деревней было типичным для общины²². Все дела решались на сходке — «на миру». Право голоса имели все мужчины с восемнадцати лет, т. е. начавшие платить налог. Основную роль на

²¹ См. также последние работы советских историков, в которых с разных точек зрения рассмотрена проблема типа развития сибирского крестьянства [13; 15; 30; 36, 1963, стр. 487—492; 44, тт. 2, 3; 53; 66; 80; 96; 104; 107, 1969, стр. 129—135, ср. 107, 1971, стр. 58—60; 1972, вып. II, стр. 54]. При рассмотрении этой проблемы следует учитывать и то положительное, что есть в работах дореволюционных историков общины и, в частности, в работах такого выдающегося знатока сибирской общины, каким был А. А. Кауфман [45—49; ср. 78].

²² 27 апреля 1882 г. была объявлена «Крестьянская реформа в Восточной Сибири»

сходке играли старики, в особенности из зажиточных семей. Сходка выбирала старосту, доверенного по земле, сотского или десятского, трапезника, «поливного старосту» — всех сроком на один год. Голосование было открытым (информация А. Н. Телятникова, Д. Т. Зверкова и др.).

Занятие какой-либо должности в общинном управлении считалось общественной повинностью и не оплачивалось. Лишь доверенный по земле имел право на лишний сенокосный пай. От некоторых наименее ответственных должностей можно было откупиться, нанимая себе «заместителя» (сообщение Г. В. Проскурякова). Что же касается должности старосты, то, хотя, согласно обычному праву, она была строго выборной, фактически она становилась монополией отдельных зажиточных семей. Нередко старосты оставались на своем посту по многу лет подряд, получая вознаграждение от тех лиц, которым подходил срок занимать общественную должность, но которые по тем или иным причинам не стремились ее занять. При этом понятно, что избранный ранее староста сохранял свое положение отнюдь не из-за этого вознаграждения, а ради тех материальных и социальных преимуществ, которые были сопряжены со званием старосты. Когда в общество входила более чем одна деревня, староста имел заместителя (или заместителей), называемого «кандидатом». Например, в Сувинской общине староста находился в Суво, в Алге же, входившей в состав этой общины, был его заместитель.

Всеми вопросами, связанными с земельным устройством, ведал доверенный по земле. Он же обычно участвовал в «торгах» при распределении сенокосных паев (иногда вместе с некоторыми представителями от общества). Доверенный по земле вел специальную «Земельную книгу», где на каждого землевладельца имелся особый лист с указанием фамилии, имени, отчества владельца участка, местонахождения участка, его размера и качества земли, а также с отметкой о передаче земли во временное пользование (аренду).

В большинстве деревень имелись так называемые поливные старосты, которые наблюдали за состоянием оросительных канав и за распределением воды. Как уже говорилось, в Читканской волости орошение играло огромную роль для всех сельских обществ (кроме Низовского). В отдельных общинах искусственно орошалось от 25 до 100% всех пашен, в среднем же около 60% пахотной земли [23, вып. XI, стр. 106]. Сооружение канав и наблюдение за уже имеющимися являлось одной из важнейших общинных трудовых повинностей, которая осуществлялась под наблюдением «поливного старосты» и даже старосты деревни (сообщено И. В. Малыгиным из Читкана). Магистральные каналы проводились и поддерживались в порядке всей общиной, более мелкие каналы — теми лицами, к полям которых они давали воду. Каждый двор в течение пяти дней в году работал на ремонте канав. Сроки эти не были постоянными и зависели от длины оросительной сети и от ее состояния.

Водой пользовались по очереди; очередность устанавливали весной, в апреле, в период ремонтных работ. Когда приходила очередь, каждый хозяин должен был оросить свои поля в отведенный для него срок, поэтому поливка проходила днем и ночью. За сутки удавалось оросить от одной до четырех десятин пашни.

ри», согласно которой крестьянское общественное управление было преобразовано на основании «Положения 19 февраля 1861 г.» [121, стр. 733—734].

Перечисленные должностные лица были лишь исполнителями, выступая от имени общины. Именно общество на своей сходке решало все основные вопросы, такие, как передел, наделение земель новоселов и достигших совершеннолетия, лишение наделов или отрезки, а также другие спорные вопросы, затрагивающие интересы всей общины (а иногда и некоторые частные споры) и т. д.

Уже к концу XVII в. русское население на Баргузине было обложено «государевой податью». Со временем число налогов и натуральных повинностей увеличивалось. Сбор налогов и наблюдение за выполнением повинностей были возложены на общину. На рубеже XIX и XX в. все мужское население Читканской волости в возрасте от 18 до 55 лет платило окладные и волостные сборы, оплачивало сельские расходы, а также исполняло ряд натуральных повинностей. Окладные сборы состояли из губернского и частного земского сборов, подушной и оброчной подати и взносов в «пожарный и межевой капиталы» (для содержания пожарного инвентаря и для проведения работ по размежеванию).

В среднем по Баргузинскому округу приходилось окладных сборов 4 руб. 16 коп. на ревизскую душу [23, вып. XV, стр. 9]. Эти данные, взятые из официальных источников, совпадают с сообщениями наших информаторов. Волостные сборы шли на содержание крестьянского самоуправления, на народное просвещение, медицинскую помощь, поддержание в порядке дорог, мостов и пр., отчасти и на церковь [23, вып. XV, стр. 10—17]. Сельские расходы шли на те нужды, что и волостные, но в пределах села (общины) [23, вып. XV, стр. 10—24]. Натуральные повинности состояли из подводной и дорожной. Первая заключалась в приобретении и содержании так называемых обывательских лошадей для перевозки должностных лиц. Вторая состояла в дорожных работах, не только в селе, но и во всей волости.

Общая стоимость подводной и дорожной повинностей на одну ревизскую душу составляла в Баргузинском округе 4 руб. 68 коп. [23, вып. XV, стр. 32—39].

Налоговые суммы с годами становились больше, достигнув в начале XX в. 10—15 рублей в год на ревизскую душу. Сбором налогов ведал староста. Существовала круговая порука [ср. 36, 1964, стр. 489—505].

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ ОБЩИНЫ

Несмотря на отмеченное выше все усиливающееся малоземелье, обращает на себя внимание большее благосостояние крестьян Сибири, чем Европейской России. Основную массу в описываемом районе составляли середняки [ср. 35, стр. 58]. Община в ряде районов Сибири сохранилась лучше, а душевые наделы были более крупными. Так, при исчислении средних цифр размеров «мягкой» (удобной для обработки) пашни по Читканской волости приходится 4 десятины на одно хозяйство [23, вып. III, стр. 13]. Однако эти средние цифры скрывают истинное положение дел. Подробный анализ распределения земли показывает, что за видимым благополучием и равноземельем скрывается (уже в конце прошлого века) отчетливое расслоение.

Из 1095 хозяйств Читканской волости 150, или 13,7% совсем не имели запашки [109, стр. 15]. Пригодная для обработки земля среди остальных хозяйств распределялась следующим образом [23, вып. III, стр. 12—13].

	Число хозяйств	Процент
Не имеют мягкой пашни	167	15,2
Имеют мягкую пашню:		
менее 1 десятины	81	7,35
1—2	213	19
3—4	302	28,4
5—9	261	23,7
10 и более десятин	71	6,35
<hr/>		
Итого . . .	1095	100

Приведенные данные показывают, что к началу XX в. среди крестьян волости наметилась существенная дифференциация в отношении земельных наделов.

О степени сохранности и действенности баргузинской общины и общинных порядков говорит тот факт, что вплоть до коллективизации (т. е. до конца существования общины) категорически запрещалась продажа земли.

Тем самым как будто бы обеспечивалось равное распределение основного средства производства между общинниками и делалось невозможным выделение многоземельных хозяев.

Однако фактически от этого правила были многочисленны отклонения, вызываемые социальным расслоением и, в свою очередь, приводящие к дальнейшему его углублению. Этому в значительной степени способствовал получивший сильное развитие в Баргузинском районе институт аренды. Хотя, как уже отмечалось выше, в обследованном районе в целом недостаток земли не ощущался так остро, как, например, в Центральной России, тем не менее уже к концу XIX в. все пригодные для пахоты земли были использованы. Первоначально площадь захваченной каждой семьей земли соответствовала чаще всего потребности в ней (при наличии достаточного количества рабочих рук и рабочего скота). Увеличение нехватки земель и введение наделов привели к тому, что богатые хозяйства лишились значительной части захваченных земель. Отсюда возникла потребность в новых росчистях, а так как делать их стало трудно в местах, где появился передел, ибо именно отсутствием земли и вызывается сам передел, то удовлетворить потребность зажиточных хозяйств в земле мог только институт аренды, который и вошел в жизнь.

Несмотря на жесткие правила, призванные сохранить систему равнотерелья в общине, богатые семьи благодаря распространенному обычаю, получившему на Баргузине название «продажа земли на посев», получили возможность обрабатывать гораздо большее количество земли, чем им полагалось согласно подушному распределению. Человек, не имевший средств обработать полагающийся ему надел, мог сдать его (или его часть) в аренду более зажиточному крестьянину. Сам он, занимаясь батрачеством или прирабатывая другим способом, рассчитывал скопить необходимую ему сумму для приобретения рабочего скота, инвентаря и пр. Землю «на посев» брали (или, по выражению, распространенному на Баргузине, — «покупали») как у своих соседей по общине, так и у членов других общин. Аренда у однообщинников, естественно, представлялась более удобной, ввиду близости пашен к селению. С дальнейшим развитием этой формы аренды все больше нарушается соотношение земельных владений у однообщинников: одна часть регулярно сдает землю в аренду, в то время как другая — фактически (но не юридически) увеличивает запашку за счет первых.

В Читканской волости аренда пахотной земли в своей общине достигла наивысшего развития во всем Забайкалье, судя по данным В. Трейдена, занимавшегося исследованием арендных отношений в этой области [23, вып. IX, стр. 70]. К сожалению, из-за отсутствия других сводных данных по этому периоду мы вынуждены обращаться главным образом к этой работе, хотя ее данные нередко противоречивы — как, впрочем, многие в материалах «Куломзинской комиссии» [см. 66, стр. 342 и сл.]. В конце XIX в. число хозяйств, арендовавших землю, достигло 14% к общему числу хозяйств волости [23, вып. IX, стр. 88], а по другим данным — даже 29,9% [23, вып. III, стр. 15]. При этом у однообщинников было арендовано 570,9 десятин пашни, т. е. 11,5% за пашки самих арендаторов [23, вып. IX, стр. 70; в других местах автор дает иные данные: 13, 14,7 и даже 16,9% — см. стр. 88 и 94]. В чужих общинах было арендовано 171,8 десятины, или 3,9% по отношению к собственной пашне [стр. 65 и 94].

При отсутствии сдающихся внаем земель по соседству многие крестьяне Читканской волости, главным образом зажиточные и середняки, арендовали землю у бурят за денежную оплату (например, крестьяне села Бодон перед первой мировой войной платили до 12 рублей за десятину бурятской земли) или исполу (по сообщению И. В. Сергеева, В. И. Зайцева и др.)²³. Так, только из одного села Телятникова ежегодно арендовали землю у бурят около 15 семей. При аренде исполу крестьянин обязывался вспахать и засеять своими семенами землю, снять и обмолотить урожай, а зерно и солому разделить поровну. Это называлось «сеять с половины».

В сообщениях наших информаторов арендные отношения занимали большое место. Многие из них в молодости сдавали свой надел в аренду, а позже, когда «семья становилась крепче» и в ней появлялись новые рабочие руки, нередко сами арендовали участки у своих соседей или в других общинах и даже у бурят. Интересно сравнить цены за аренду десятины земли в 1897 г. (по статистическим материалам) и в период перед первой мировой войной (по единодушному свидетельству наших информаторов и по имеющимся статистическим материалам)²⁴. Быстрый их рост говорит о все возрастающем спросе на землю. Так, по материалам конца XIX в., средняя цена за 1 десятину пашни, арендованной на один год у однообщинников, составляла в Читканской волости 4 руб. 93 коп., а в чужих обществах — 91 коп. [23, вып. IX, стр. 185]. А уже десять-пятнадцать лет спустя средняя плата за десятину земли первого сорта составляла 16—20 рублей, второго сорта — 6—10 рублей (сообщено И. В. Сергеевым, А. Н. Телятниковым). Иногда за аренду платили натурой. Например, Е. И. Кокорин сообщил, что за четверть десятины арендованной пашни нужно было уплатить 30 фунтов муки. Пашня сдавалась обычно в невозделанном виде, поэтому арендные цены показывают исключительно стоимость эксплуатации земли без предварительно произведенных на ее обработку затрат. Своеобразной формой аренды была аренда исполу, но при совместной обработке земли: хозяин земли, не имевший семян на посев, брал их у общинника, у которого они были, землю же обрабатывали и орошали оба, урожай делили пополам. Давший семена выступал в роли арендатора.

Наряду с «продажей земли на посев» была широко распростра-

²³ Аренда у бурят была распространена во всем Забайкалье [см., например, 52, № 123, стр. 19; 93, стр. 9].

²⁴ Индекс цен в период 1897—1914 гг. оставался без существенных изменений.

нена и аренда сенокосных угодий («продажа на покос»). Этот вид аренды из всего Забайкалья также был в наибольшей степени развит в Читканской волости. В 1897 г. покосы, арендованные у членов своей общины, дали 36,8% сена по отношению к накошенному на покосах, полученных на личный пай [23, вып. IX, стр. 67]. 50,4% крестьянских семей Читканской волости арендовали покосы [23, вып. III, стр. 14, 15]. Сенокосные угодья арендовались как в своей общине, так и за ее пределами. Крестьяне Читканской волости широко арендовали покосы и в чужих обществах (главным образом у бурят); так, в 1897 г. сено, собранное на этих землях, составило 42,7% по отношению к собственному сену [23, вып. IX, стр. 62].

Плата за аренду сенокосного пая колебалась от 1,5—2 руб. за десятину (по сообщению Е. И. Кокорина) до 4 рублей (З. С. Волчугов). Цена за пуд сена зависела от того, у кого арендовался покос — у однообщинника или у члена другого «общества». В первом случае плата была ниже (1,6 коп. против 1,9 коп.) [23, вып. IX, стр. 73, 178; 83, стр. 109]. Покосы арендовались чаще всего хозяевами, имевшими много скота; в некоторых случаях они скупали у членов своей общины пай, сосредоточивая их в своих руках (до 50 паев на руки) [23, вып. IX, стр. 68].

Аренда пахотных и сенокосных угодий, интенсивно развивавшаяся в последней четверти XIX в., была одним из главных факторов, способствовавших классовому расслоению общины. Этот процесс ярко показал В. И. Ленин, так писавший о крестьянской аренде: «...когда нам говорят, что „крестьянство“ арендует землю и „крестьянство“ же сдает землю, то мы знаем, что первое относится главным образом к крестьянской буржуазии, второе — к крестьянскому пролетариату» [8, стр. 129; см. также 7, гл. II]. С одной стороны, происходило скрытое обезземливание части общинников, а с другой — сосредоточение земель в руках зажиточных крестьян. Картину этого убедительно рисует В. Трейден: «При появлении спроса на арендную землю со стороны богатых хозяев более бедные арендаторы при борьбе с ними за землю терпят поражение... Если принять во внимание, что возрастание общей площади арендуемой пашни влечет за собой и увеличение аренды пашни у однообщественников, то нельзя не придти к заключению, что чем сильнее развиваются арендные отношения в той или другой административной единице, тем сильнее обездоливается другая часть населения в необходимой ей пашне. Далее, так как напряженность аренды у однообщественников достигает своего максимума там, где особенно трудно арендовать землю за пределами общественной дачи, то высокая степень развития аренды не только не является коррективом по отношению к неправильно сложившемуся землепользованию, но, наоборот, она еще усугубляет неравенство землепользования... Аренда, несомненно, является одним из главнейших факторов, способствующих дальнейшему развитию уже существующего экономического неравенства» [23, вып. IX, стр. 99, 102; ср. 68, вып. 6, стр. 347; 107, 1972, вып. 1, стр. 191—192].

Таким образом, уже в прошлом веке мы не находим в баргузинской общине того идиллического равенства и процветания, которое представлялось некоторым дореволюционным исследователям сибирской деревни [103 и др.]. Тот же безостановочный процесс внутренней дифференциации сельского общества, который был свойствен Европейской части России, наблюдался и в общинах Читканской волости. При этом следует отметить, что сама по себе аренда не является непреходящим признаком только капитализма: она была вполне развита уже при феодальных отношениях [ср.: 96а, стр. 271 и сл.; 107, 1968, стр. 158—163,

1969, стр. 67—68]. Точно так же расслоение крестьянства отнюдь не является только капиталистическим [см. дискуссию об этом: 36, 1962, особо стр. 5, 11—24, 529—567, 575—578]. Определяющее значение здесь имеет тип формации, на стадии которой происходят названные явления.

Злоупотребления, связанные с арендой, вызывали решительный протест со стороны обезземеливавшихся бедняков. Уже в 1897 г. в материалах Куломзинской комиссии отмечаются неоднократно повторяющиеся жалобы на аренду зажиточными у бедных. Иногда крестьяне высказывались даже за запрет аренды «пайков» и требовали, чтобы хозяин, не имевший возможности обработать свой надел, передавал его в распоряжение общества [23, вып. IX, стр. 71—72]. Местная администрация сначала делала попытки ограничить аренду и приостановить процесс обезземеливания части населения. Так, по сообщению В. Трейдена, еще в 1881 г. Читканским волостным правлением был разослан циркуляр, запрещающий сельским старостам утверждать какие-либо документы на аренду земель. Категорически запрещалось сдавать землю в аренду без разрешения волостного правления [23, вып. IX, стр. 68]. С растущим экономическим неравенством пыталась бороться и община. Были введены некоторые ограничения на сдачу в аренду пашни и покосов. Например, было введено правило не сдавать надел в аренду более чем два года подряд, а также правило о том, что сделки на аренду могли быть заключены только с согласия общины, которая объявляла неправомочными все соглашения, подписанные без ее ведома. В забайкальских архивах многочисленны материалы судебных разбирательств, вызванных тем, что сдача земли в аренду не была санкционирована сельским обществом. Однако все эти попытки сохранить равное земледелие и внутреннюю целостность общины могли лишь на время отсрочить ее дальнейшее расслоение.

Растущее обезземеливание части крестьянского населения Читканской волости сказалось и в широком развитии батрачества. В 1897 г. 39,5% всех наличных хозяйств Читканской волости давали батраков [23, вып. III, стр. 17]. Батрачеством занимались и женщины. В значительной степени батраков поставляли бедняцкие семьи с одним работником и безлошадные двory. Сдав свой надел в аренду богатому односельчанину, такой хозяин обычно нанимался батрачить, чтобы на скопленные деньги обзавестись необходимым для обработки своей земли инвентарем. Батрачество среди баргузинских старожилы имело возрастной характер. Многие крестьяне в молодости, сдав свой надел в аренду, шли батрачить, пока не вставали крепко на ноги. Лишь немногие (в основном холостяки) оставались в этом положении всю жизнь [ср.: 107, 1970, стр. 32—34].

Одним из источников, дающих батраков, были разделы больших семей, совершенные против воли главы семьи, в результате которых сыновья не получали от отца никакого имущества, кроме полагавшегося им душевого надела, и шли батрачить. Многие ссыльнопоселенцы (как высланные из России, так и отбывшие срок на сибирской каторге), оказавшись в более тяжелых, чем старожилы, условиях, также нередко добывали свой хлеб батрачеством. С. Р. Плеханов из села Суво вспоминает, что богачи, как правило, имели работников, причем обычно нанимали их на год. По истечении этого срока работник должен был наниматься заново. Если батрак хотел уйти раньше срока, хозяин не имел права его удерживать. Свыше 11% хозяйств нанимали батраков [23, вып. III, стр. 3]. Средний годовой заработок работника по Читканской волости составлял 108,76 руб. [23, вып. XIV, стр. 49]. Пла-

та колебалась в зависимости от урожая, от спроса на труд, от удаленности села от центра. По сравнению с другими районами Забайкалья плата годовому работнику в Баргузинском уезде была более низкой.

Нанимали на срок, подневно и издольно. В первую очередь наемный труд использовался на работах, требующих быстрого завершения (таких как сенокос, жатва), тогда как на работах, не требующих выполнения в жесткие сроки (например, пахота), наемный труд применялся значительно реже и главным образом зажиточными и кулацкими хозяйствами.

Растущая потребность в деньгах заставляла бедную и малозажиточную часть крестьянства наниматься, помимо батрачества, в извоз на близлежащие «заводы» и золотые прииски. В семьях была и такая форма приработка: семья брала на полное содержание корову и должна была сдавать хозяину коровы приблизительно 20 фунтов масла и 30 фунтов творога. За это семья получала 6—8 рублей в сезон после сдачи условленного количества хозяину коровы. Это называлось «взять корову на масло» (об этой форме приработка подробно рассказывала С. С. Гаськова из Б. Уро, 106 лет). Девочки из бедных семей жили в няньках.

По мере обострения земельного кризиса продолжалось выделение и усиление прослойки зажиточных крестьян, а также кулаков, к которым их менее обеспеченные односельчане постепенно попадали в зависимости отношения. Эта зависимость, начавшаяся с отдельных злоупотреблений при аренде пахотных и сенокосных угодий, в отдельных случаях принимала форму ростовщической кабалы. Зажиточные семьи сосредоточивали в своих руках, хотя и временно, большие земельные участки, с которых собирали дополнительные количества зерна, пуская это зерно на продажу. Крестьяне-бедняки (а случалось, и середняки) занимали зерно у своего же деревенского богача-кулака, а после урожая должны были возвращать за пуд — полтора-два и больше. В роли ростовщиков оказались также скупщики и лавочники — как местные, так и приезжие (агенты баргузинских торговых домов). За скупленную пшеницу и прочий товар приезжие купцы расплачивались обычными деньгами, а местные лавочники — товарами из своих лавок.

Рост имущественной зависимости от кулацко-ростовщической верушки наблюдается не только в земледелии, но и в промыслах. Так, купцы получали немалые прибыли с охотников-половинщиков и охотников, промышлявших «за четвертый рубль». Аналогичное явление происходит и в рыболовных артелях. Например, в двух Низовских селениях на р. Баргузин на 70 человек общинников-артельщиков приходилось три кулака, причем артельщики находились «в совершенной от них зависимости» [23, вып. XIV, стр. 93; см. также 11, стр. 17]. Эта зависимость была часто скрытой: все рыбаки были пайщиками, имели «собственное заведение» (сети, неводы, лодки и пр.). Однако на деле они находились в долговой кабале от богачей, которые ссужали их солью, снастями и различными товарами под будущий улов. Таким образом, «собственное заведение» фактически оказывалось принадлежащим кулаку, господство которого прикрывалось артельной формой.

Яркую картину кулацко-ростовщической кабалы в рыболовных артелях Баргузинского округа дает известный исследователь Забайкалья и Дальнего Востока Н. В. Кирилов. В связи с тем, что невод для ловли рыбы на Байкале стоил дорого — около 1500 руб., — в статье «Заметки врача о Баргузинском округе» он писал: «Устройство такого морского невода — на паях; богачи обыкновенно не заводят отдельного невода, а участвуют сразу в нескольких, где 5-тью, где 10 и более пайками (весь

невод — 40 паев). Такой способ для богачей представляет важные удобства, как бы страховку от случайностей промысла. Дело в том, что рыбная ловля — лотерея: где сегодня много рыбы, там завтра — ничего. Один и тот же невод в одном году дает по 150 руб. и более на пай, а другой раз — чуть ли не по три рубля! Если богач потерпит убыток на одном неводе, то получит выгоду на другом. Бедняка гораздо тяжелее: он рискует сразу всем, может получить „много“ и „ничего“ (а „много“ бывает один раз в семь лет по их расчету). Конечно, богачи одолжат и хлеба и соли: для них такие пайщики выгоднее наемных рабочих, ибо если годом заработают много, то вернут все кулакам же с процентом»²⁵.

Таким образом, уже к началу XX в. имела место ярко выраженная социальная дифференциация. Выделение зажиточных общинников, закабаление ими своих односельчан, рост ростовщичества, — с одной стороны, батрачество и отходничество — с другой, — все эти процессы, столь характерные для предреволюционной деревни Европейской России, достаточно отчетливо определились в русских селениях долины р. Баргузин [ср. 29, стр. 115]. Однако при этом следует помнить, что социальные категории сибирского крестьянства — кулаки, бедняки, середняки — по имущественному положению, как правило, не равнозначны соответствующим категориям крестьян, существующим в европейской части страны: обычно положение сибирских крестьян лучше, чем крестьян западных районов страны. Это справедливо и в отношении крестьян баргузинских.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СЕМЕЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Семейная организация у русского населения долины р. Баргузин представляет собой еще более неисследованную область, чем община. Если имеющиеся материалы, в основном статистические, дают некоторые общие сведения об экономике деревни, то описание семейной жизни в них полностью отсутствует. Изложенный ниже материал, посвященный семейной организации, основывается только на собранных нами данных. При этом авторы отбирали материал, относящийся не столько к собственно семейному укладу, сколько касающийся связи семьи и общины и, главным образом, материал о больших, неразделенных семьях²⁶.

К началу XX в. в изучаемом районе наиболее распространенной формой семьи была малая, состоявшая из мужа, жены и их неженатых детей; иногда в семью входили престарелые родители хозяина дома. В ряде сел Читканской волости в первой трети XX в. еще бытовали большие неразделенные семьи, существовавшие вплоть до начала коллективизации. Семья, где было много сыновей, была обычно наиболее зажиточной; наоборот, недостаток рабочих рук в хозяйстве неизбежно привел к его упадку. Согласно статистике, среднее число членов (мужчин и женщин) бедной семьи составляло 4,7, средней — 6,2, богатой — 9 [23, вып. XIV, стр. 7; ср.: 91, стр. 166]. Вероятно, этот фактор сыграл свою роль в сохранении отдельных больших семей. Как

²⁵ Архив Географического общества СССР, разр. 58, оп. 1, № 14, стр. 83—84; см. также 11, стр. 18—19; 16, стр. 24.

²⁶ Полезный материал для сравнения дают недавно вышедшие работы А. А. Лебедевой [62, стр. 157—168], Л. М. Сабуровой [91, стр. 165—195], В. А. Горелова [19, стр. 96—105]. В целом можно отметить, что неразделенные семьи сохранились у баргузинских старожилов значительно долее, чем в некоторых иных районах Сибири [ср. 80, стр. 81—82].

показывают собранные нами материалы, семьи с большим числом мужских рабочих рук, имевшие возможность увеличивать свой земельный надел за счет рощистей, державшие десятки голов крупного скота, составляли наиболее зажиточную прослойку общины, из которой формировались кулаки.

Не останавливаясь на малой семье дореволюционной баргузинской деревни, поскольку она ничем принципиально не отличалась от обычных русских крестьянских семей, остановимся на большой семье, которая представляет несомненный интерес.

По словам наших информаторов, «в прежние времена» неразделенная семья была господствующей формой. Однако уже в начале XX в. такие семьи были довольно редким явлением, хотя отдельные семьи еще можно было встретить в каждом селе: на большое село (в 150—200 дворов) приходилось не более десятка неразделенных семей. В основном эти семьи встречались в наиболее старых селах (Адамово, Телятниково, Уро, Читкан); их не было в деревнях, образовавшихся сравнительно недавно или являвшихся выселками (например, Алга).

Неразделенная семья имела традиционную структуру. Женатые сыновья оставались жить вместе с родителями, нередко в одном доме. Например, семья Гаськовых (Душелан) в начале нашего века имела до 30 человек, известная во всей волости богатая семья Колмаковых (Б. Уро) включала в себя 22 человека, большая же семья Малыгиных (Читкан) еще в 1928 г. насчитывала 16 человек.

Женились по старшинству (за редкими исключениями), в соответствии с обычаем. Сыновья отделялись чаще всего тогда, когда подрастали их дети. Впрочем, Н. А. Шелковников из Адамова рассказал, что в прошлом в их неразделенной семье жили не только сыновья с невестками, но и женатые внуки. Иногда такая большая семья занимала несколько домов, расположенных близко друг к другу. Например, те же Шелковниковы жили в трех домах. Братья с семьями располагались в этих домах по старшинству: в одном доме жили отец и старший сын, в другом — следующие сыновья, в третьем — младшие. Но и в этом случае семья жила одним котлом. Во главе семьи, как правило, стоял отец, в руках которого находились все денежные средства и который давал распоряжения членам семьи относительно их занятий²⁷. Однако главой семьи мог быть не только отец, но и дед, если он был жив и сохранил ясный ум (семья Малыгиных, Читкан). Главой семьи нередко бывал один из братьев, чаще всего старший (Шелковниковы из Адамова), иногда — второй (так было в семье Малыгиных после смерти деда). Наконец, мать также могла быть главой семьи (Телятниковы из с. Телятниково) [ср. 22, стр. 109]. Глава семьи пользовался не только властью по традиции, но и уважением [ср. 19, стр. 96—105; 62, стр. 157—168].

Порядок распределения обязанностей внутри семьи не был стабильным. В некоторых семьях каждый имел строго определенные обязанности, в другой — обязанности чередовались. Например, в уже упоминавшейся семье Колмаковых из Уро сын Иван (со своим сыном) занимался охотой, Даниил ведал финансами (снабжением, закупкой, про-

²⁷ К. Д. Логиновский отмечает подобную структуру у казаков Восточного Забайкалья; в каждой семье там был старший — дед, или отец, или старший брат, полновластный хозяин и распорядитель [65, 184]. А. М. Полова подчеркивает беспрекословную власть отца в изредка встречавшихся в 20-х годах больших семьях у семейских Забайкалья: без него не начинали работу, не производили покупки [79]; см. также [91, стр. 168—170].

дажей и т. д.), Дмитрий — рыбной ловлей и т. д.²⁸. Но все они в период земледельческих работ работали на поле. Такие обязанности, как заготовка дров, извоз и т. п., исполнялись по очереди. В других же семьях обязанности не были так четко закреплены за отдельными лицами.

В доме обычно была старшая женщина. Чаще всего это была жена главы семьи (отца или старшего брата). Она давала распоряжения всем невесткам. Невестки работали неделю в поле, неделю ухаживали за скотом, неделю в доме и т. д. [ср. 91, стр. 176]. Таким образом, женщина в большой семье была загружена многочисленными обязанностями и несла на себе большую долю забот по хозяйству. Это обеспечивало ей уважаемое положение в семье²⁹. Старшая женщина тяжелыми работами не занималась.

Как уже отмечалось выше, неразделенные семьи были чаще всего зажиточными. Так, в большой семье Г. С. Терентьева (75 лет, Уро), существовавшей до 1930-х годов, было до двадцати лошадей, 10—12 молодых коров, не считая прочего скота. Большая семья Шелковниковых в Адамове держала до 30 коров, 40 лошадей. Семьи Колмаковых, Малыгиных и др. также выделялись своей зажиточностью. Запахивалось, помимо полагавшейся по наделу земли, большое количество росчистей. Наличие достаточного количества рабочих рук позволяло извлекать дополнительный доход из охоты, извоза и тому подобных занятий. Достаток семьи увеличивался также за счет приданого, которое приносила в семью невестка. М. М. Гаськова (88 лет, Душелан) рассказала, что она получила в приданое корову и лошадь. Отметим, что в малых, менее обеспеченных семьях приданое за девушкой давалось более скромное: по словам С. Р. Плеханова из Суво, часто оно состояло из одного теленка и мелких хозяйственных предметов.

Средний денежный расход большой семьи составлял до революции около 500 рублей в год. Эти цифры называли многие информаторы (Я. С. Попов из Читкана, Д. Т. Зверков из Телятникова и др.). В наиболее богатых семьях расходы были значительно больше: например, Е. И. Кокорин из Суво сообщил, что в предреволюционные годы их семья, состоявшая из девяти взрослых людей, тратила в год до полутора тысяч рублей. Эти данные совпадают с теми цифрами, которые дают статистические материалы «Куломзинской комиссии» за 1897 г. по Забайкалью (см. таблицу).

О той роли, которую играло отмечавшееся выше наличие достаточного количества рабочих рук в росте благосостояния семьи, можно судить по тому факту, что нередко старшие невестки должны были идти батрачить; а вскоре семья крепла настолько, что сама пользовалась трудом батраков. Примером тому может служить М. М. Гаськова из Душелана, вышедшая замуж в большую семью. Хотя эта семья имела несколько дойных коров и лошадей, М. М. Гаськовой первое время приходилось батрачить, пока в хозяйстве не появилась еще одна лошадь в приданое за новой невесткой, затем новые невестки с приданным, и семья стала типичной зажиточной большой семьей.

---

²⁸ О подобного рода разделении труда в большой семье у русских Енисейской губернии говорит Н. И. Воробьев [22, стр. 109].

²⁹ Положение женщины в сибирской семье никак нельзя считать приниженным. П. А. Ровинский, рассказывая о больших семьях старообрядцев-семейских Верхнеудинского округа Забайкалья, отмечал, что в семье порядок поддерживала обычно старшая женщина, которая ведала деньгами, вела счета и т. д. [86, т. IV, № 3, стр. 116]. Н. И. Воробьев отмечает, что нередко во главе большой семьи в Енисейской губернии стояла старуха мать и что женщины вообще могли легко заменять мужчин [22, стр. 109].

Многие неразделенные семьи держались очень крепко, сознавая, что их сила — в сплочении. Интересен рассказ, сообщенный нам в с. Уро о старике Колмакове. Информатор рассказал, что, когда в семье невестки стали ссориться и потребовали раздела, старик созвал их и, дав каждой по полену, предложил растопить печь. Разумеется, печь не разгоралась до тех пор, пока не были уложены все поленья. «Печь горит только, когда в ней лежит охапка дров, и семья может существовать, лишь когда она не разделена», — сказал старик³⁰.

Главные расходы крестьянского хозяйства
(в рублях) [№ 23, вып. XIV, стр. 42]

Тип хозяйства вид расходов	Бедное		Среднее		Богатое	
	натураль- ные	денежные	натураль- ные	денежные	натураль- ные	денежные
На личные потребности . . .						
На хлеб	76,7	19,5	165,7	23,5	455,8	56,4
На мясо и продукты ското- водства	10,0	3,0	32,6	6,5	80,4	19,8
На соль, табак, чай и са- хар	—	18,8	—	30,8	—	63,9
На отопление, освещение и пр.	—	1,7	—	5,5	—	20,8
На церковные нужды и солдатские проводы	—	3,8	—	9,3	—	20,8
На подати	—	10,1	—	18,8	—	33,6
На уплату долгов	—	3,2	—	4,3	—	15,2
На ремонт построек, оде- жду и пр.	—	21,7	—	48,6	—	122,9
Итого	86,7	81,8	198,3	147,3	536,2	353,4
На хозяйственные потреб- ности						
На корм скота	39,8	1,8	108,4	8,3	319,2	55,0
На сельскохозяйственные нужды	—	4,4	—	16,0	—	138,8
На приобретение хозяй- ственного имущества	—	4,5	—	15,9	—	106,3
Итого	39,8	10,7	108,4	40,2	319,2	300,1
Всего	126,5	92,5	306,7	187,5	855,4	653,5

На примере неразделенных семей отчетливо проявляется роль «семейной кооперации» в становлении зажиточных домов и подъеме хозяйств. В то же время под патриархальной формой нередко скрывались отношения эксплуатации, которые и послужили одной из причин выделения малых семей [ср.: 35, стр. 57; 107, 1970, стр. 29—30].

Обычно, как только внуки подрастали, происходил раздел. Отделившиеся малые семьи давали начало новым неразделенным семьям: этот процесс (в дореволюционные годы) был непрерывным. Семья разделялась обычно не сразу, а выделялся сначала один сын, потом со-

³⁰ О том, что большие семьи неохотно шли на раздел, говорят разные авторы. Например, П. А. Ровинский отмечает, что у забайкальских семейских отец редко делил даже скотину. Если теснота вынуждала к разделу, изба сыну строилась рядом с отцовским домом, с которым поддерживалась самая тесная связь [86, т. IV, № 3, стр. 117].

временем — другой и т. д. Например, семья Зверковых (Телятниково) сначала состояла из шести живших вместе братьев, потом два отделились, а четыре еще долго продолжали жить вместе. Из восьми братьев Шелковниковых долгое время жили одной семьей пять. Семнадцать лет не делилась большая семья Гаськовых. Со временем, из-за большой тесноты в доме, два брата вышли в зимовье, но из семьи так и не выделились.

Как и повсюду, обычным поводом к разделу было несогласие среди невесток и теснота. Случалось, что после отбывания военной службы сын не возвращался в свою семью, а заводил новый дом. Отмечаются и случаи примачества. Так, по сообщению М. М. Гаськовой, один из братьев в их большой семье, вернувшись со службы, женился на вдове и перешел жить к ней в дом. Когда раздел производился с согласия старших, отделившийся получал дом, скотину, утварь и т. д. Если же сын выделялся без согласия отца, он, как правило, не получал ничего, кроме своего душевого надела, и должен был идти батрачить. За мужем дочерям можно было ничего не выделять, а незамужним отводилась небольшая доля (сообщено С. Р. Плехановым)³¹.

Если до революции распад неразделенных семей и выделение малых происходил постепенно, то во время революции и после нее последние сохранившиеся большие семьи разделились довольно быстро, а в начале коллективизации исчезли последние. Раздел больших семей в Забайкалье, как и во всем Советском Союзе, связан с двумя периодами: первый период — годы установления советской власти, второй период — начало коллективизации. Так, в начале революции произошел раздел семьи Шелковниковых и Телятниковых; семья Терентьевых разделилась уже после революции; а семья Малыгиных — в 1928 г., в начальный период коллективизации. Причины, вызвавшие в послереволюционный период распад больших семей, те же, что и в других районах нашей страны; они изложены в работе П. И. Кушнера, занимавшегося этим вопросом: «Национализация земли и ее распределение среди крестьян по числу членов семей, но не выше определенного предела, исключавшего полное наделение землей всех членов разросшихся больших семей, — вызвали быстрое, но часто фиктивное разделение больших семей. ...При коллективизации же деление больших семей вызывалось желанием получить новые приусадебные участки и право на содержание большего количества домашнего скота» [60, стр. 19]. Большие налоги на неразделенную семью также способствовали ее ускоренному распаду. И. В. Малыгин из Читкана сообщил, что именно это привело к разделу его семьи в 1928 г. Наконец, старый патриархальный быт, свойственный большой семье, был несовместим с новым, советским строем, при котором правовые и экономические позиции этого быта оказались подрванными. После тридцатых годов в Баргузинском районе не осталось ни одной большой неразделенной семьи.

* * *

Приведенный выше материал по хозяйственной, общинной и семейной жизни русских старожилов долины р. Баргузин свидетельству-

³¹ Причины и формы раздела больших семей в соседних районах имеют много общего с разделом семей баргузинских старожилов. П. А. Ровинский в указанной работе называет главными причинами раздела больших семей рекрутчину и тесноту [86, т. IV, № 3, стр. 117]. А. М. Попова пишет, что при разделе больших семей у забайкальских старообрядцев все происходило «спокойно», если раздел производил сам отец. В тех же случаях, если его затевали сами сыновья, дело нередко доходило до суда [79, стр. 124—125].

ет о том, что здесь в конце XIX — начале XX в. существовала община соседского (сельского) типа, характерная для большинства районов Сибири.

Как уже было отмечено, К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали, что институт традиционной крестьянской общины в России и во всех других странах «возник естественным путем и представлял собой необходимую фазу развития свободных народов» [4, стр. 482]. Можно ли говорить о естественном развитии сибирской общины? Было бы неверным отрицать роль государства в первичном оформлении деревенских коллективов, но основное значение имела естественная эволюция общины при последовательном росте фонда общинных земель за счет личных (бывших заимок и др.). Но поскольку эта эволюция происходила в условиях развития капиталистической экономики России конца XIX в., то одновременно с оформлением чисто общинных норм жизни идет противоположный процесс расслоения общины, а параллельно с ростом общинного землевладения — его разрушение. Нужно отметить, что этот процесс был подготовлен захватным землепользованием, предшествовавшим надельно-долевому, т. е. общинному, и отчасти сохранявшимся и в поземельной общине, ибо оно давало возможность увеличивать личную запашку. А это открывало простор росту сельской буржуазии и выступало как одно из условий, способствовавших классовому расслоению сибирской деревни [ср. 29, стр. 243—244]. В этом — одна из специфических черт сибирской общины.

Развитие форм землевладения и землепользования, характер хозяйственной деятельности, порядок управления, наконец, некоторые черты семейного уклада — все это показывает, что и здесь деревня стала развиваться в капиталистическом направлении, но, как и во многих районах России, аграрно-капиталистическая эволюция была далека от завершения [ср.: 107, 1971, стр. 160—166]. Темп же и характер этого развития имели в Баргузинском районе, как и в других областях Сибири, свои, отличные от Европейской России особенности, отмеченные выше.

Изучение общего и особенного в развитии общины имеет значение как для истории общины в Сибири и в России в целом, так и для тех стран, где община в настоящее время является живым институтом. Видные советские историки-аграрники К. И. Шабуня и В. К. Яцунский пишут: «Изучение сходства и различия в закономерностях аграрного развития в дореволюционной России и в освобождающихся в настоящее время из-под империалистического гнета странах Азии может помочь лучшему пониманию путей развития стран Азии и тем оказать содействие связи исторического исследования с запросами современности» [36, 1964, стр. 19]. При этом следует помнить, что община, для которой характерен дуализм, т. е. единство и борьба двух противоположных начал — коллективного и индивидуального, может явиться переходной формой как к частной собственности, так и к общественной форме собственности. Изучение локальных вариантов форм общинного развития несомненно поможет правильному подходу к определению дальнейшей судьбы общины — там, где она еще сохранилась.

1. Маркс К., наброски ответа на письмо В. И. Засулич, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19.
2. Маркс К., Письмо В. И. Засулич, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19.
3. Маркс К. и Энгельс Ф., Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19.

4. Маркс — Николаю Францевичу Даниельсону, 22 марта 1873 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 33.
5. Энгельс Ф., Письмо Эдуарду Бернштейну, 9 октября 1886 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 36.
6. Ленин В. И., От каксго наследства мы отказываемся? — Полное собрание сочинений, т. 2.
7. Ленин В. И., Развитие капитализма в России, — Полное собрание сочинений, т. 3.
8. Ленин В. И., Аграрная программа русской социал-демократии, — Полное собрание сочинений, т. 6.
9. Аввакум, Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения, М., 1960.
10. «Азиатская Россия», т. I—III (с «Атласом Азиатской России»), СПб., 1914.
11. Акатуйский С., По Баргузинскому уезду, — «Наше дело», Чита, 1914, № 11—12.
12. Александров В. А., Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVIII в.), — «История СССР», 1968, № 2.
13. Александров В. А., Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край), — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. 87, М., 1964.
14. Андриевич В. К., Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года, СПб., 1887.
15. Анфимов А. М., Новые работы по аграрной истории Сибири, — «Вопросы истории», 1964, № 3.
16. Архангельский А., Экономическая жизнь Забайкалья и задачи кооперации, — «Наше дело», 1914, № 15—16 и 17—18.
17. Банщиков А. Н., Искусственное орошение и его значение для области, — «Труды Первого Забайкальского Областного сельскохозяйственного съезда 1—10 марта 1913 г.» (далее «Труды I ЗОСС»), вып. 2, Чита, 1914.
18. Боженко Л. И., Землепользование и землеустройство в крестьянских хозяйствах Сибири (1920—1927 гг.), — «Труды Томского государственного университета» (далее — «Труды ТГУ»), т. 206 («Вопросы истории Сибири», вып. 5), Томск, 1970.
19. «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. I. Приангарье», Новосибирск, 1971.
20. «Вестник Императорского Русского Географического Общества», СПб., 1852—1853.
21. Воробьев В. В., Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки), Иркутск, 1959.
22. Воробьев Н. И., Материалы по быту русского старожильческого населения Восточной Сибири. Население Причунского края (Енисейской губ.), — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном университете», т. XXXIII, вып. 2—3, Казань, 1926.
23. «Высочайше утвержденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы». Вып. I—XVI, СПб., 1898. Содержание отдельных выпусков: вып. I. С. Черемисинов (сост.), Списки населенных мест и дач. С картою дач; вып. II. Статистические данные (Поселенные таблицы); вып. III. Статистические данные (Итоговые таблицы); вып. IV. Г. Винкен и С. Саблер, Географические сведения; вып. V. А. Щербатов (сост.), Исторические сведения; вып. VI. Н. Разумов и И. Сосновский, Население, значение рода у инородцев и ламанизм; вып. VII. С. Рудин, Съёмочные и землеустроительные работы с конца XVIII века по 1897 г.; вып. VIII. А. Калмыков (сост.), Землевладение; вып. IX. В. Трейден, Аренда; вып. X. М. Кроль (сост.), Формы землепользования; вып. XI. Н. Бутович (сост.), Земледелие в связи с характеристикой естественных условий пахотных угодий; вып. XII. Д. Грудинин, Характеристика естественных условий сенокосных, выгонных и лесных угодий; вып. XIII. Н. Разумов, Скотоводство; вып. XIV. Д. Григорьев, К. Миллер, И. Безуглов, Сбыт сельскохозяйственных продуктов, промыслы и неземледельческие заработки в Забайкалье; вып. XV. Г. Цыбиков, Подати и повинности; вып. XVI. Д. Головачев, Бюджеты.
24. Гагемейстер [Ю. А.], Статистическое обозрение Сибири, ч. I—II, СПб., 1854.
25. Гирченко В. П., Прибайкалье (краткий исторический очерк), Верхнеудинск, 1922.
26. [Гирченко В.], Сельский устав Прибайкалья последней четверти XVIII в. (Инструкция Удинской Провинц. Канцелярии сельским старостам и выборным 1776 г.), — «Известия кафедры Прибайкальведения» (далее — ИКП), 1921, вып. 1.

27. Гирченко В., Социально-экономические отношения Прибайкалья в эпоху его первоначальной колонизации (Лекция, прочитанная в апреле 1921 г.),— ИКП, вып. 1.
28. Горюшкин Л. М., Об освещении в советской исторической литературе вопроса о путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири,— «Труды ТГУ», т. 178 («Методологические и историографические вопросы исторической науки. Сборник статей», вып. 3), Томск, 1965.
29. Горюшкин Л. М., Сибирское крестьянство на рубеже двух веков, Новосибирск, 1967.
30. Громыко М. М., Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение, Новосибирск, 1965.
31. Данилов В. П., К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России,— «Проблемы социально-экономической истории России», М., 1971.
32. Данилова Л. В., Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ,— «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I, М., 1968.
33. «Декабристы в Забайкалье. Неизданные материалы». Под ред. А. В. Харчевникова, Чита, 1925.
34. Добромыслов Н. М., Заметки по этнографии баргузинских орочен,— «Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества» (далее — «Труды ТСКО»), т. V, вып. I, 1902.
35. Дулов В. И., Тюкавкин В. Г., О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири,— «Вопросы истории», 1964, № 4.
36. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958», Таллин, 1959; за 1959 г.— М., 1961; за 1960 г.— Киев, 1962; за 1961 г.— Рига, 1963; за 1962 г.— Минск, 1964; за 1963 г.— Вильнюс, 1964; за 1964 г.— Кишинев, 1966; за 1965 г.— М., 1970; за 1966 г.— Таллин, 1971. Прим.: в тексте в ссылках указан не год проведения очередного симпозиума, а год издания его материалов.
37. Елизов Ф. В., Рыбная и звериная промышленность по берегам озера Байкал,— «Известия Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества» (далее — ИСОРГО), т. IV, № 4, 1873.
38. «Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк», Иркутск, 1891.
39. Зак С. Д., Марксизм о природе и судьбах общинной собственности и развивающиеся страны,— «Итоги и перспективы социально-экономического развития молодых суверенных государств. Материалы научной конференции», М., 1965.
40. Зак С. Д., Ф. Энгельс о некоторых аспектах развития «аграрного коммунизма» в России в XIX в. и развивающиеся страны,— «Материалы общеуниверситетской теоретической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса», Л., 1971.
41. Залкинд Е. М., Из истории крестьянской колонизации Забайкалья в XVIII—начале XIX века,— «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института» (далее — «Труды БНИИ»), вып. 10, Улан-Удэ, 1962.
42. Золотухин И. П., Завоевание русскими Забайкалья (Краткий исторический очерк), Владивосток, 1909.
43. В. Б. Иорданский, Тупики и перспективы Тропической Африки, М., 1970.
44. «История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. 1—5, Л., 1968—1969.
- 44а. Кабанов Е. И., Сорты разводимых в Забайкальской области хлебов,— «Труды I ЗОСС», вып. 2.
45. Кауфман А. А., Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г., Иркутск, 1900.
46. Кауфман А. А., Крестьянская община в Сибири (По местным исследованиям 1886—1892 гг.), СПб., 1897.
47. Кауфман А. А., Община и успехи сельского хозяйства в Сибири, СПб., 1894.
48. Кауфман А. А., Переселение и колонизация, СПб., 1905.
49. Кауфман А. А., Сложные формы общинного землевладения в Сибири по местным исследованиям 1887—1892 гг.,— «Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества», т. XXVI, вып. 4—5, 1896.
50. Кашик О. И., Из истории заселения Иркутского уезда в XVII—начале XVIII в.,— «Ученые записки Иркутского государственного педагогического института», вып. XVI, Благовещенск, 1958.
51. Кирилов Н. В., К вопросу об аборигенах Забайкалья,— «Приамурские ведомости», 1896, № 121, 122, 123.
52. Кирилов Н. В., Поездка в Нижнеангарск Баргузинского округа на Байкале в 1885 г.,— «Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества», 1886, т. XVII, № 1—2.

53. Кожухов Ю. В., Русское крестьянство Восточной Сибири в первой половине XIX в. (1800—1861). («Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 356), Л., 1967.
54. Козьмин Н. Н., К вопросу о времени расселения бурят около Байкала. (Историко-этнографический очерк),— «Труды Бурято-Монгольского Ученого комитета», Иркутск, 1925.
55. Комаров Э. Н., Бенгальская деревня и крестьянское хозяйство во второй половине XVIII в.,— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XXVIII, М., 1957.
56. Копылов А. Н., Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда, Новосибирск, 1965.
57. Кудрявцев М. К., Община и каста в Хиндустане (Из жизни индийской деревни), М., 1971.
58. Кудрявцев Ф. А., Золотопромышленность Западного Забайкалья в 60-х—80-х гг. XIX в.,— «Бурятияведение», 1927, № 3—4, 1928, № 1—3.
59. Кудрявцев Ф. А., Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII—XX вв.,— «Вопросы истории», 1946, № 10.
60. Кушнер (Кнышев) П. И., О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье,— «Советская этнография», 1956, № 3.
61. [Кюхельбекер В. К.], Дневник Вильгельма Карловича Кюхельбекера, часть II,— «Русская старина», 1891, т. 72, октябрь-декабрь.
62. Лебедева А. А., К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX—начало XX в.),— «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии», М., 1969.
63. Левковский А. И., Третий мир в современном мире, М., 1970.
64. Личков Л. С., Очерк истории развития форм крестьянского и инородческого землепользования в Восточной Сибири,— «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», т. IX, Киев, 1895.
65. Логиновский К. Д., О быте казаков Восточного Забайкалья,— «Живая старина», вып. 2, 1902.
66. Малахинов П. И., О двух типах аграрной революции в России, Улан-Удэ, 1962.
67. Мангутов Н. Р., Об аграрной политике царизма в западной Бурятии в период империализма,— «Труды БНИИ», вып. 10, 1962.
68. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР», вып. 1—7, М., 1952—1969 (вып. 1—2 под названием «Материалы по истории земледелия в СССР»).
69. Михайлов К., Общинный быт у крестьян Забайкальской области Восточной Сибири,— «Русская мысль», 1885, декабрь, разд. IX.
- 69а. «Народы Сибири» («Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1956.
70. Окладников А. П., Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование, ч. I—III («Материалы и исследования по археологии СССР», №№ 18 и 43), М., 1950—1955.
71. Окладников А. П., О начале земледелия за Байкалом и в Монголии,— «Древний мир. Сборник статей. Академику В. В. Струве», М., 1962.
72. Оленев А. М., По Баргузину,— «Природа», 1961, № 1.
73. Осокин Г., Материалы для этнографии Западного Забайкалья,— «Труды ТСКО», 1895, вып. 2.
74. Паллас П., Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, пол. I (1772—1773), СПб., 1788.
75. [Паршин В.], Поездка в Забайкальский край, ч. 1 и 2, М., 1844.
76. Петряев Е. Д., Исследователи истории и литературы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края, Чита, 1954.
77. «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года», т. VI (1720—1722); т. XVIII (1767—1769), т. XXV (1798—1799), СПб., 1830.
78. Полтаранин И. А., Переселенческий вопрос и проблема общины в трудах А. А. Кауфмана. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук, Новосибирск, 1970.
79. Попова А. М., Семейские (Забайкальские старообрядцы),— «Бурятияведение», 1928, № 1—3.
80. «Проблемы истории советского общества Сибири», вып. II. История крестьянства Сибири досоветского периода, Новосибирск, 1970.
81. Пыпин А. Н., Первые известия о Сибири и русское ее заселение,— «Вестник Европы», 1891, кн. 8.
82. Разгон И. М., Сухотина Л. Г., К вопросу о «государственном феодализме» в Сибири (о книге Л. Ф. Склярова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы») — «Труды ТГУ», т. 190 («Вопросы истории Сибири», вып. 3), Томск, 1967.
83. Разумов Н. И., Забайкалье. Свод материалов Высочайше учрежденной комис-

- сии для исследования землевладения и землепользования под председательством статс-секретаря Куломзина, СПб., 1899.
84. Рижский М. И., Из глубины веков. Рассказы археолога о древнем Забайкалье, Чита, 1965.
  85. Ровинский П. А., Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь,— ИСОРГО, 1873, т. IV, № 1.
  86. Ровинский П. А., Этнографические исследования в Забайкальской области,— ИСОРГО, 1872, т. III, № 3, 1873, т. IV, № 2 и 3.
  87. Румянцев Г. Н., Баргузинские буряты,— «Труды Кяхтинского краеведческого музея», Улан-Удэ, 1949, т. XVI, вып. I.
  88. Румянцев Г. Н., Баргузинские летописи. I, Улан-Удэ, 1956.
  89. Румянцев Г. Н., Происхождение хоринских бурят, Улан-Удэ, 1962.
  90. Саблер С. В. и Сосновский И. В., Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. Исторический очерк, СПб., 1903.
  91. Сабурова Л. М., Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX—XX в., Л., 1967.
  92. Сафронов Ф. Г., Русские крестьяне в Якутии, Якутск, 1961.
  93. Селищев А. М., Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.
  94. «Сибирский торгово-промышленный календарь», СПб., 1893; Томск, 1894—1914 (в 1913—1915 гг. назывался «Сибирский торгово-промышленный ежегодник»).
  95. «Сибирь и Великая Сибирская железная дорога», СПб., 1893.
  96. «Сибирь периода феодализма» («Материалы по истории Сибири»), вып. 1—3, Новосибирск, 1962—1968.
  - 96а. Сказкин С. Д., Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века, М., 1968.
  97. Скляр Л. Ф., Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы, Л., 1962.
  98. Словцов П. А., Историческое обозрение Сибири, ч. 1 и 2, 2-е изд., СПб., 1886.
  99. Соколов В. Н., Забайкальское хозяйство и рынок. (Проект распределения Забайкальской области на экономические районы), Чита, 1918.
  100. Солдатов В. В., Формы общинного землевладения в Забайкальской области,— «Вестник Европы», 1913, № 5.
  101. «Сорок лет Бурятской АССР», Сборник статей. Улан-Удэ, 1963.
  102. «Список населенных мест Забайкальской области по данным сельскохозяйственной переписи 1902 г.», Чита, 1903; то же — по переписи 1916 г.: Чита, 1918.
  103. Стахеев Д., Байкал,— Забайкальская область,— «Живописная Россия», т. XII, ч. I, СПб.,— М., 1895.
  104. Степынин В. А., Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма, Красноярск, 1962.
  105. Талько-Гринцевич Ю. Д., Народности Центральной Азии (монголо-халхасцы, буряты и тунгусы). Антропологический очерк,— «Труды ТСКО», 1902, т. V, вып. 1.
  106. Талько-Гринцевич Ю. Д., Население древних могил и кладбищ Забайкальских,— «Бурятияведение», 1928, № 1—3.
  107. «Тезисы докладов и сообщений Десятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Ленинград, 1968)», М., 1968; то же — Одиннадцатой (Одесса, 1969), М., 1969; Двенадцатой (Рига, 1970, М., 1970; Тринадцатой (Вильнюс — Каунас, 1971), М., 1971; Четырнадцатой (Минск — Гродно, 1972), М., 1972.
  108. «Третий мир»: стратегия развития и управление экономикой», М., 1971.
  109. «Труды Первого Забайкальского областного сельскохозяйственного съезда 1—10 марта 1913 г.», вып. 1—5, Чита, 1913—1915.
  110. Тюкавкин В. Г., Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период Столыпинской реформы. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. ист. наук, Иркутск, 1958.
  111. Тюкавкин В. Г., Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции), Иркутск, 1966.
  112. Тюльпанов С. И., Очерки политической экономики (Развивающиеся страны), М., 1969.
  113. Тягуненко В. Л., Проблемы современных национально-освободительных революций, изд. 2-е, испр. и доп., М., 1969.
  114. Фризер Я. Д., Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды, М., 1901.
  115. Чиркин [Г.], Переселение и землеустройство в Забайкалье, [б. м.], (1909).
  116. Шерстобоев В. Н., Илимская пашня, т. 1—2. Иркутск, 1949—1957.
  117. Шмелев Н. П., Проблемы экономического роста развивающихся стран, М., 1970.

118. Шмудевич М. М., К вопросу о движении населения русского крестьянства в Зап. Забайкалье в 1-й половине XIX в.,— «Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. Этнографический сборник», вып. 4 («Культура и быт народов Бурятии»), Улан-Удэ, 1965.
119. Шунков В. И., Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), М., 1956.
120. Шапов А. П., Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении,— ИСОРГО, 1872, №№ 3, 4, 5; 1873, № 2.
121. Щеглов И. В., Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032—1881), Иркутск, 1883.
122. Элиасов Л. Е., Байкальские предания. Фольклорные записи, Улан-Удэ, 1966.
123. Ядринцев Н. М., Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении, изд. 2-е, испр. и доп., СПб., 1892.